

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

2

---

1 9 6 4

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Саккизинчи йил наشري

2

1964

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
ТОШКЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восьмой

2

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад.
АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕД-
РИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, член-корр.
АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор филол. наук Г. А. АБ-
ДУРАХМАНОВ, доктор ист. наук А. Х. БАБАХОДЖАЕВ,
доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ, канд. ист. наук
С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. К. ВАЛИЕВ
(*зам. редактора*), канд. искусствоведения Ф. М. КАРОМА-
ТОВ, канд. филол. наук Х. У. КУРБАНОВА, канд. ист. наук
Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ,
Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

А. А. АМИНОВ

**О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ
В РАЗВЕДКУ ГАЗА В БУХАРО-ХИВИНСКОМ РАЙОНЕ**

Капитальные вложения в разведку нефтяных и газовых месторождений складываются из затрат на геологическую съемку, геофизические работы, структурное бурение, научно-исследовательскую обработку материалов, глубокое бурение и обустройство разведок.

В Бухаро-Хивинской провинции, как и в других районах, ведущее место по капиталовложениям на разведочные работы занимает глубокое бурение, на которое приходится 57,1% всех затрат. Геолого-поисковые и геофизические методы разведки, доля капиталовложений которых составляет соответственно 16,6 и 18,7%, развиваются в рассматриваемом районе в недостаточной мере. Сравнительно большие средства израсходованы на обустройство разведок (затраты на создание и подготовку материально-технической базы для глубокого разведочного бурения составили 7,6%). Высокий удельный вес этих затрат объясняется тем, что разведка месторождений нефти и газа проводилась в отдаленном и совершенно необустроенном районе.

Всего на разведку 531,6 млрд. м³ запасов промышленных категорий было затрачено 96 604 тыс. руб., а стоимость подготовки 1 000 м³ запасов газа и нефти, переведенной условно в газ, составила 18,1 коп.

На месторождениях Бухаро-Хивинской провинции стоимость разведки и подготовки 1 000 м³ запасов газа в зависимости от величины месторождения, глубины залегания продуктивных горизонтов, сложности геологического строения и связанного с этим объемом разведочного бурения изменяется в значительных пределах (табл. 1).

На Газлинском месторождении разведана нефтяная залежь с довольно значительными промышленными запасами нефти. При отдельном выделении на этом месторождении затрат на открытие и разведку нефти и газа оказывается, что стоимость разведки и подготовки 1 000 м³ запасов газа промышленных категорий составляет 1,5 коп., а затраты на разведку и подготовку 1 т нефти — 69 коп.

Стоимость подготовки 1 000 м³ промышленных запасов газа на Джаркакском месторождении — 18 коп., на Акджарском — 19 коп., на Шурчинском — 20 коп. В то же время на небольших месторождениях (Мамаджургатинское, Сеталантептинское) стоимость подготовки 1 000 м³ запасов газа очень высока — соответственно 5 руб. 46 коп. и 4 руб. 50 коп.

В целом по Бухаро-Хивинской провинции на подготовку запасов газа произведены небольшие удельные капитальные вложения. Стоимость подготовки 1 000 м³ запасов газа промышленных категорий (на

1 января 1962 г.) по различным районам страны характеризуется следующими данными¹:

Районы	Стоимость подготовки 1000 м ³ газа, руб.
Башкирская АССР	0,52
Саратовская область	1,97
Ставропольский край	0,23
Дагестанская АССР	22,0
Тюменская область	5,31
Якутская АССР	9,92
Украинская ССР	0,25
Таджикская ССР	1,17
Киргизская ССР	0,63
Бухаро-Хивинская провинция	0,18

В настоящее время Бухаро-Хивинская провинция является самым крупным газонефтеносным районом Союза, что видно из следующих данных²:

Районы	Промышленные запасы газа на 1. 1 1961 г., млрд. м ³
Бухаро-Хивинская провинция	502,3
Краснодарский край	381,9
Ставропольский край	270,3
Украинская ССР	400,8
а) Восточная Украина	291,0
б) Западная Украина	109,8

Таблица 1

Показатели затрат, прироста запасов и стоимости единицы прироста запасов газа по различным месторождениям Бухаро-Хивинской провинции

Месторождение	Затраты на открытие и разведку месторождения, млн. руб.			Разведанные промышленные запасы, млрд. м ³	Стоимость 1000 м ³ запасов, руб.
	всего	в том числе			
		на геолого-поисковые работы	на глубокое бурение		
Сеталантепинское	1,80	0,20	1,60	0,4	4,50
Джаркакское	2,68	0,08	2,60	14,242	0,18
Караулбазарское	1,41	0,11	1,30	1,709	0,82
Сарыташское	1,41	0,11	1,30	2,325	0,60
Мамаджургатинское	1,35	0,25	1,10	0,247	5,46
Газлинское	11,65	0,85	10,80	464,611	0,02
Южно-Мубарекское	0,43	0,53	6,40	13,265	0,50
Аджарское	0,96	0,11	0,85	5,025	0,19
Шурчинское	0,94	0,11	0,83	4,578	0,20
Ташкудукское	2,10	0,14	1,96	3,621	0,58
Северо-Мубарекское	2,26	0,16	2,10	20,962	0,11
Карабаирское	1,61	0,11	1,50	2,180	0,70

Бухаро-Хивинская провинция занимает одно из первых мест в стране не только по промышленным, но и по перспективным запасам

¹ Данные по районам, кроме Бухаро-Хивинской провинции, приведены из отчета ВНИИ по теме: «Технико-экономические показатели нефтедобывающей промышленности СССР».

² Данные по районам, кроме Бухаро-Хивинской провинции, приведены из отчета ВНИИ по теме: «Технико-экономические показатели нефтедобывающей промышленности СССР».

газа. Каждый год здесь открываются новые газовые месторождения. Разведка и подготовка запасов газа может проводиться с еще меньшими удельными капитальными вложениями. Одним из резервов снижения удельных капиталовложений на подготовку запасов является ускорение темпов геолого-разведочных работ.

Длительность разведки газовых месторождений в значительной степени предопределяет объем капитальных вложений и зависит от наличия геологических предпосылок газоносности, необходимого объема поисковых и разведочных работ, методов поисков и разведки, темпов бурения структурных и глубоких разведочных скважин.

Повышение темпов глубокого разведочного и структурного бурения способствует более быстрому решению геологических задач, снижению стоимости бурения скважин и, следовательно, повышению экономической эффективности капиталовложений в поиски и разведку газа.

Повышение коммерческих скоростей бурения имеет важное значение, поскольку примерно $\frac{2}{3}$ стоимости сооружения скважин зависит от продолжительности буровых работ.

Сокращение времени буровых работ может быть достигнуто и за счет увеличения количества одновременно действующих буровых станков, но это связано с увеличением капитальных вложений и трудовых затрат. Поэтому увеличение скоростей бурения имеет первостепенное значение.

В Бухаро-Хивинской провинции скорость в глубоком разведочном бурении вплоть до 1959 г. значительно повышалась, в связи с чем быстрый рост объемов проходки происходил при небольшом увеличении количества буровых станков.

В 1960—1961 гг. коммерческая скорость бурения разведочных скважин, являющаяся одним из важнейших факторов повышения эффективности разведочных работ, не только не повысилась, но, наоборот, снизилась. В эти два года рост объемов глубокого разведочного бурения осуществлялся исключительно за счет увеличения количества одновременно действующих буровых установок, что, естественно, требовало больших материальных затрат.

Основными причинами снижения коммерческих скоростей в глубоком разведочном бурении были:

- 1) широкое вовлечение в разведку новых площадей, сложенных твердыми породами;
- 2) увеличение средней глубины скважин;
- 3) усложнение геологических условий бурения;
- 4) рост объема проходки на дальних площадях;
- 5) значительные недостатки в организации производства буровых работ;
- 6) снижение механической скорости и проходки долота на одно долбление;
- 7) значительное увеличение времени на вспомогательные и подготовительные работы.

В последние два года соотношение между коммерческой и технической скоростью, характеризующее уровень организации производства, составило 2:3. Коммерческая скорость разведочного бурения была на $\frac{1}{3}$ ниже технической, что свидетельствует об огромной потере времени. В 1960—1961 гг. эти потери составили 106 станко-месяцев (такого количества времени вполне достаточно для бурения 40 глубоких разведочных скважин). За это время только на аварии и простои было затрачено 66,5 станко-месяца, что в переводе на метраж

(при достигнутой скорости 520 м на станко-месяц) составляет 34 580 м. Материальные потери от аварий и простоев в бурении скважин за два года превысили 1 млн. руб.

Причинами аварий были прихваты инструмента, поломки долот и бурильных труб, падение инструмента, газовые выбросы и др. Простой в основном вызывались большими перебоями в снабжении авиамаслом, долотами, канатами и т. д.

Производственная мощность экспедиции бурения используется далеко не полностью. Создание материально-технической базы все еще отстает от развития фронта глубокого разведочного бурения. Мощность всех подсобно-вспомогательных цехов и служб бурового хозяйства не соответствует мощности планового числа работающих буровых установок. Вплоть до 1963 г. отсутствовала надлежащая ремонтно-механическая база для капитального ремонта бурового и силового оборудования. Механические мастерские экспедиций удовлетворяют лишь текущие нужды бурения и не приспособлены для производства капитального ремонта бурового и силового оборудования.

Кроме того, на недоиспользовании числа плановых станко-месяцев бурения сказалась плохая организация работ подсобно-вспомогательных цехов и служб бурового хозяйства (особенно вышколочных цехов, допускающих большие «окна» и сильно снижающих коэффициент использования бригад), недостаток запчастей, инструмента и транспортных средств.

Всего за 1960—1961 гг. по этим причинам недобрано 160 станко-месяцев, что при переводе на метраж (при достигнутой в эти годы скорости 520 м на станок в месяц) составляет 83 200 м.

Лучшее использование производственной мощности экспедиций бурения и увеличение коммерческой скорости проходки позволило бы в 1961 г. выполнить 200 тыс. м глубокого разведочного бурения вместо фактических 137 тыс. м.

Современная техника проходки скважин уже сейчас позволяет достигнуть в разведочном бурении средней коммерческой скорости 700—750 м/ст-мес. Достаточно отметить, что в 1959 г. средняя коммерческая скорость по Бухаро-Хивинской провинции составляла 671 м/ст-мес.

Повышение эффективности разведочных работ на газ во многом зависит от своевременного опробования скважин. Улучшение организации работ по опробованию скважин является одним из важных вопросов экономики геолого-разведочных работ на газ. В связи с дальнейшим развитием геолого-разведочных работ опробование скважин будет иметь все большее экономическое значение. Так, в 1961 г. было опробовано 65 скважин. Однако значение опробования определяется не только крупными капитальными затратами средств, но в основном тем, что своевременное испытание скважин позволяет более оперативно решать поставленные геологические задачи и повышать эффективность использования станков.

В Бухаро-Хивинской провинции уровень ежегодного опробования разведочных скважин в 1956—1961 гг. определяется в размере 65%. Испытание остальных скважин задерживалось из-за слабости материально-технической базы и серьезных недостатков в организации работ по опробованию. В результате к концу 1961 г. только в ожидании испытания находилось 17 скважин, что означает омертвление огромных средств, вложенных в бурение разведочных скважин.

Основной причиной задержки испытания скважин является длительность работ по их опробованию. Бригады по испытанию обычно:

не справляются со сроком опробования и после окончания бурения скважины в течение 4—6 месяцев находятся в ожидании испытания. Тем самым фактически удваивается продолжительность разведки отдельных площадей, поскольку получается два равных по времени этапа — бурение и опробование скважин.

Низкие темпы бурения и опробования приводили к значительной задержке оценки площадей. Так, в 1960 г. из 10 площадей, введенных в разведку, только на четырех было закончено бурение первой поисково-разведочной скважины. Бурение этих скважин продолжалось от 2 до 4 месяцев. Испытание же их начиналось в лучшем случае через 2 месяца после окончания бурения. В результате конечная оценка этих структур была осуществлена только в следующем году. В 1961 г. было введено в разведочное бурение 9 структур, но ни одна из них не имела окончательной оценки.

Таким образом, несвоевременный ввод площадей в поисково-разведочное бурение является главной причиной задержки оценки площадей и снижения эффективности разведочных работ в 1960—1961 гг.

Для ускорения темпов геолого-разведочных работ прежде всего необходимо увеличить скорости бурения разведочных скважин за счет: улучшения организации буровых работ; обустройства разведок; бурения скважин малым диаметром; внедрения электробурения; повышения стойкости долот; упрощения конструкции скважин; сокращения цикла их строительства и времени на спуско-подъемные операции, вспомогательные и другие работы.

Следует сократить до минимума разрыв между окончанием бурения и испытанием скважин. Для этого необходимо широко практиковать работу одной бригады на двух скважинах одновременно и персвести бригады по опробованию на сдельную оплату труда.

Повышению эффективности опробования будет способствовать широкое применение испытателей пластов, а также (в определенных геологических условиях) кислотной обработки и гидроразрыва пластов.

На эффективность разведочных работ большое влияние оказывает качественная и своевременная подготовка площадей к глубокому бурению. Чем детальнее освещено геологическое строение площади, тем меньше затрат будет произведено на ее разведку. Однако качество подготовки площадей как структурным бурением, так и геофизическими методами остается все еще низким.

Отрицательную роль играет и отсутствие достаточного фонда площадей, подготовленных к разведочному бурению, ибо ввод новых площадей в глубокое бурение целиком зависит от сроков окончания на них структурного бурения или геофизических работ и сроков передачи документации, обеспечивающей ввод той или иной площади в бурение.

Повышение эффективности геолого-геофизических поисковых работ во многом зависит от комплексирования сейсморазведки со структурно-поисковым бурением, что позволит значительно сократить время подготовки структур к разведке и снизить затраты по поисковому периоду.

Повышение темпов геолого-разведочных работ связано и с увеличением скорости структурного бурения. По Бухаро-Хивинской провинции средняя скорость структурного бурения в 1961 г. достигла 914 пог. м на станок в месяц, однако в настоящее время имеются большие возможности для дальнейшего повышения ее. Вместе с ростом времени чистого бурения в балансе рабочего времени бурильных станков в 1961 г. отмечается увеличение времени на вспомогательные операции,

что объясняется недостаточным вниманием к вопросам технологии проводки скважин и, в частности, к качеству применяемой промывочной жидкости. Много времени затрачивается на повторные спуски и подъемы инструмента ввиду оставления керна в забое.

Время чистого бурения составляет 35—40% от общего времени, однако имеются все возможности довести его до 50—55% за счет проведения ряда организационно-технических мероприятий.

Хотя потери от непроизводительного времени значительно сократились, они все же занимают большой удельный вес в балансе рабочего времени станков (15,0% в 1961 г.).

Много непроизводительного времени расходуется на ликвидацию аварий. Как и в прошлые годы, главными причинами возникновения аварий являются слабая трудовая и производственная дисциплина, нарушение технологических режимов бурения, применение некачественного глинистого раствора, недостаток квалифицированных кадров бурильщиков, отсутствие анализа аварий и мер их предупреждения.

Повышению темпов бурения структурных скважин способствует широкое применение бескернового бурения 3-шарошечными и лопастными долотами, бурение скважин с продувкой забоя воздухом, применение новых твердосплавных коронок и долот, шнекового бурения, механизмов по свинчиванию и развинчиванию буровых труб ПО-49 и полуавтоматических элеваторов Кадочникова.

Кроме того, необходимо уделять больше внимания вопросам социалистического соревнования, организации борьбы за звание бригад и ударников коммунистического труда, обмену опытом, изучению и популяризации достижений передовиков и новаторов производства, а также улучшению жилищных и культурно-бытовых условий работников.

Ускорение темпов и снижение стоимости поисково-детальных геофизических работ может осуществляться двумя путями — снижением стоимости погонного километра сейсмических профилей и уменьшением затрат километража сейсморазведки на поиски и детализацию структур.

Снижение стоимости погонного километра сейсмического профиля обеспечивается внедрением новой сейсмической аппаратуры, экономичного бурения виброшнеками, не требующими технической воды, механизацией трудоемких процессов, сокращением расхода взрывчатых веществ, заменой дорогостоящего тротила более дешевым порохом и аммонитом, а также проведением организационно-технических мероприятий.

Уменьшение затрат километража сейсморазведки на поиски и детализацию структур достигается за счет уменьшения отношения площади детальных исследований к площади поднятия (путем рационального комплексирования различных геофизических методов) и уменьшения густоты сейсмических профилей без ущерба для качества материалов (на основе полного учета всех имеющихся геолого-геофизических данных).

Кроме того, необходимо широко проводить опытно-методические работы по вопросам методики изучения зон выклинивания юрских отложений и подсолевых отложений юры в Бухаро-Хивинской провинции. Дальнейшее развитие должны получить и опытно-методические исследования геофизических и геохимических методов прямых поисков нефти и газа. Все эти мероприятия будут несомненно способствовать дальнейшему повышению эффективности капиталовложений, затрачиваемых на разведку нефти и газа в Бухаро-Хивинской провинции.

А. А. Аминов

**БУХОРО-ХЕВА РАЙОНИДА ОЛИБ БОРИЛАЕТГАН ГАЗ ҚИДИРИШ
ИШЛАРИНИНГ КАПИТАЛ МАБЛАҒЛАРИНИ ОШИРИШ ҲАҚИДА**

Мақолада Бухоро-Хева провинциясида олиб борилаётган газ қидириш ишлари капитал маблагларининг эффективлигини янада ошириш масалалари ёритилади. Автор газ ва нефть қидириш ишларининг суръатини ошириш, бу ишларнинг сифатини яхшилаш ва таннархини камайтиришга қаратилган қатор таклифларни ўртага ташлайди.

Д. БЕРНШТЕЙН

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НОРМ

В последние годы в советской юридической литературе уделяется значительное внимание определению содержания общего понятия ответственности по советскому праву¹.

Большинство авторов рассматривают вопрос об ответственности по советскому праву лишь в плане юридической ответственности в собственном смысле, понимая под нею либо меры государственного принуждения², либо реализацию санкции, выражающуюся в применении государственного принуждения³, либо реализацию санкции и, как правило, государственное принуждение⁴.

Некоторые авторы указывают и на общественную, моральную ответственность за нарушение социалистических правовых норм, отмечая, что она применяется «наряду с мерами юридической ответственности»⁵, находится с ними в «тесной связи»⁶, «сопряжена» с ними⁷, применяется вместо юридической ответственности⁸ и т. д. Но при всем этом общественная ответственность остается у них целиком за пределами ответственности по советскому праву и даже не упоминается в развернутых определениях ответственности.

Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пишут, что «ответственность по социалистическому праву следует определять как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме

¹ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву Л., Изд-во ЛГУ, 1955, стр. 17; И. Ребане, К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 44, Таллин, 1956, стр. 155—172; И. А. Галаган, К вопросу о понятии ответственности по советскому праву, Ученые записки Новгородского лединститута, т. 4, Новгород, 1958, стр. 240—255; И. С. Самошенко, К вопросу о причинности в области юридической ответственности, Сб. статей «Вопросы общей теории советского права», М., Госюриздат, 1960, стр. 335—346; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., Госюриздат, 1961, стр. 312—329; Общая теория государства и права, Л., Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 451—456; Е. А. Флейшиц, Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, Советское государство и право, 1962, № 3, стр. 35; О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., Госюриздат, 1962, стр. 85—94.

² См. И. А. Галаган, указ. статья, стр. 240, 255; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. соч., стр. 314, 318.

³ См. О. Э. Лейст, указ. соч., стр. 28, 212.

⁴ См. И. С. Самошенко, указ. статья, стр. 340, 342, 344, 346.

⁵ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. соч., стр. 322.

⁶ Там же, стр. 323.

⁷ См. И. С. Самошенко, указ. статья, стр. 346.

⁸ См. О. Э. Лейст, указ. соч., стр. 212—215.

ограничений личного или имущественного порядка»⁹. Подобное определение ответственности даст И. А. Галаган. Он пишет, что «под ответственностью в советском праве следует понимать конкретные меры государственного принуждения, применяемые уполномоченными на то органами Советского государства и должностными лицами, преследующие задачи охраны советского общества и личности от правонарушений, перевоспитания, исправления, а также в указанных в законе случаях подавления правонарушителей, содержащие государственное осуждение противоправным действиям (бездействиям) и выражающиеся в отрицательных для правонарушителей последствиях»¹⁰.

Мы считаем, что нельзя сводить ответственность по советскому праву на современном этапе только к мерам государственного принуждения. Тот факт, что правовые нормы в своих санкциях наряду с перечнем мер государственного принуждения нередко предусматривают возможность применения к правонарушителям общественного воздействия вместо мер государственного принуждения¹¹, нередко устанавливают даже перечень мер общественного воздействия¹², свидетельствует о том, что именно право предусматривает общественную ответственность за правонарушения, а потому ответственность по советскому праву в современный период выражается в применении к правонарушителю не только мер государственного принуждения, но и тех мер общественного воздействия, которые предусмотрены правом и в действительности заменяют собой меры государственного воздействия.

Разумеется, следует различать юридическую ответственность в собственном смысле (в виде применения к правонарушителям мер государственного принуждения) от общественной ответственности, выражающейся в применении мер общественного воздействия. Но неверно было бы, на наш взгляд, не придавать должного значения тому знаменательному факту, что социалистическое право во многих случаях предусматривает возможность применения в порядке ответственности за нарушение правовых норм мер общественного воздействия вместо мер государственного принуждения. В этом и заключается одна из специфических черт ответственности по советскому социалистическому праву в современный период.

К ответственности за нарушение правовых норм относятся только те меры, общественного воздействия, которые применяются к правонарушителям с санкции государства. Вместо мер государственного воздействия и при необходимости могут быть заменены мерами государственного принуждения.

Следует отметить, что меры общественного воздействия могут выступать вместо мер государственного воздействия и в то же время в сочетании с другими мерами государственного воздействия. Это происходит тогда, когда государственные органы снижают степень своего

⁹ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. соч., стр. 318.

¹⁰ И. А. Галаган, указ. статья, стр. 255.

¹¹ См., напр., ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины»; ст. 24 Типовых правил внутреннего распорядка рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений; ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении штрафов, налагаемых в административном порядке»; ст. ст. 49, 49¹, 147¹, ч. II, УК УзССР; ст. ст. 51, 52, 112, ч. II; 126, ч. I; 128, ч. I, 130, ч. I; 131, 192, ч. I; 200, 207, 208, ч. I; 221 УК РСФСР.

¹² См., напр., п. 16 Положения о товарищеских судах Узбекской ССР.

воздействия на правонарушителя с учетом оказываемого на него воспитательного воздействия со стороны общественности (например, применяют условное осуждение в связи с передачей правонарушителя на перевоспитание коллективу).

*
*
*

На наш взгляд, было бы слишком узко ограничивать понятие ответственности за нарушение социалистических правовых норм только рамками тех мер воздействия на правонарушителя, которые прямо указаны в нормативных актах.

Дело в том, что некоторые меры воздействия, фактически применяемые государством, не перечисляются в статьях закона. Известно, например, что администрация предприятий или учреждений при нарушении трудовой дисциплины далеко не всегда объявляет дисциплинарное взыскание в приказе или передает материал о дисциплинарном проступке на рассмотрение товарищеского суда в соответствии с п. п. 22 и 24 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, а ограничивается устным воздействием на правонарушителя, которое часто сводится даже не к угрозе принуждения, а проявляется только в мерах убеждения.

То же самое можно сказать и о других государственных органах и должностных лицах — о суде, прокуратуре, милиции, органах государственной безопасности, административных комиссиях, — которые при небольших по степени общественной опасности правонарушениях нередко не применяют к правонарушителям мер воздействия, предусмотренных в санкциях правовых норм, а ограничиваются беседой с правонарушителем, разъяснением ему общественной опасности совершенного им деяния, внушением необходимости возместить причиненный ущерб и впредь строго соблюдать социалистический порядок. Такой метод воздействия порой оказывается достаточно эффективным для чистосердечного раскаяния и перевоспитания правонарушителя.

Точно так же, как общественное воздействие на правонарушителя со стороны товарищеских судов, коллективов трудящихся может быть оказано во многих случаях только методом убеждения, а не обязательно методом общественного принуждения или сочетанием принуждения и убеждения, так же на основании тех же факторов (авторитет, сила внушения и т. д.) возможно при особых условиях¹³ эффективное воздействие на правонарушителя со стороны государственных органов и должностных лиц одним только методом убеждения.

Таким образом, ответственность по советскому праву, ответственность за нарушение социалистических правовых норм, при определенных условиях может быть выражена в применении мер государственного убеждения.

Если ответственность за нарушение социалистических правовых норм связывать только с применением мер государственного принуждения и общественного воздействия, то окажется, что определенная часть правонарушителей (к которым были применены только меры государственного убеждения) освобождается социалистическим госу-

---

¹³ Рассмотрение условий, при которых возможно и целесообразно воздействие на правонарушителей одним лишь методом убеждения, выходит за рамки данной статьи.

дарством от ответственности за нарушение правовых норм. Такое представление, по нашему мнению, было бы неверным.

В социалистическом праве действует принцип неотвратимости ответственности за правонарушения. В. И. Ленин писал, что «предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью»¹⁴. Это касается не только мер уголовного наказания, но и относится, как справедливо отмечает П. Е. Недбайло, «ко всякому воздействию за нарушение правовых норм»¹⁵.

Неотвратимость ответственности означает, что социалистическое государство не оставляет без соответствующего реагирования ни одно правонарушение, что каждый правонарушитель привлекается к ответственности за совершенное им противоправное деяние. Из этого не следует, конечно, что к каждому правонарушителю должны применяться меры государственного принуждения или что только государственные органы могут применять к правонарушителям необходимые меры воздействия.

Сущность ответственности за нарушение социалистических правовых норм сводится к воспитательно-исправительному воздействию на правонарушителя со стороны государства или, по поручению государства, со стороны общественности. Цель этого воздействия заключается в том, чтобы правонарушитель понял, что он поступил неправильно, чтобы прочувствовал и пережил свой проступок и впредь отказался от противоправного поведения. Кроме того, привлечение к ответственности имеет своей целью оказать предупредительно-воспитательное воздействие на окружающих, причем такое воздействие на окружающих может оказать и метод убеждения, сам факт раскаяния правонарушителя, его исправление.

Все эти цели, стоящие перед институтом ответственности, могут быть достигнуты во многих случаях без применения мер государственного принуждения, нередко одним только общественным воздействием на правонарушителя или применением к нему мер убеждения со стороны государства. Главное — и в этом суть неотвратимости ответственности, — чтобы к каждому лицу, виновному в правонарушении, применялись те предусмотренные государством меры государственного и общественного воздействия, которые необходимы для исправления правонарушителя и предупреждения правонарушений.

* * *

*

Некоторые авторы придерживаются того мнения, что ответственностью является всякое применение санкции, в том числе во всех случаях, когда она выражается в принудительном исполнении правовой обязанности, не выполненной добровольно¹⁶.

Мы не можем полностью согласиться с этой точкой зрения.

¹⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 373.

¹⁵ П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, М., Госюриздат, 1960, стр. 506. См. также С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 171; Н. Г. Александров, Развитие социалистического права в нормы коммунистического общества, Советское государство и право, 1961, № 9, стр. 33; О. Э. Лейст, указ. соч., стр. 64, 95, 97.

¹⁶ Такая точка зрения нашла наиболее полное выражение в работе О. Э. Лейста «Санкции в советском праве» (стр. 88—91). Аналогичной позиции придерживаются И. С. Самощенко (в статье «К вопросу о причинности в области юридической ответственности», стр. 342—344) и Е. А. Флейшиц («Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, стр. 35, 37).

Прежде всего следует отметить, что к санкциям правовых норм относится указание закона о применении принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости¹⁷. Однако применение этих санкций вовсе не означает ответственность, ибо невменяемое лицо вообще не может нести ответственность за свои поступки.

Один из обязательных признаков ответственности за нарушение правовых норм, как, впрочем, и всякой ответственности за нарушение социальных норм, состоит в том, что она всегда выступает в качестве **отрицательного** для правонарушителя последствия нарушения правовой нормы¹⁸.

Свойство ответственности выступать именно в качестве **отрицательного** последствия правонарушения, содержать в себе **отрицательные** для правонарушителя моменты вытекает из самого механизма воздействия на правонарушителя мерами государственного и общественного принуждения и убеждения. Даже меры убеждения, которые на первый взгляд, вообще не влекут отрицательных для правонарушителей последствий правонарушения, в действительности, при определенных условиях, содержат в себе неблагоприятные для правонарушителя моменты, вызывают его переживания, в связи с осознанием им вредности, порочности своего поведения, появление чувства стыда за содеянное, раскаяние и т. д. Только в этих случаях убеждение может выступить в качестве самостоятельного метода привлечения к ответственности.

Разумеется, при применении метода принуждения и сочетании методов убеждения и принуждения отрицательные для правонарушителя последствия выступают более рельефно и, как правило, более ощутимо. Степень этих последствий должна быть не меньше и не больше той, которая требуется для исправления правонарушителя и предупреждения правонарушений. И хотя сущность ответственности состоит не в лишении правонарушителя каких-либо благ, не в причинении ему страдания, переживания, тем не менее ответственность всегда неразрывно связана с такого рода отрицательными, неблагоприятными для правонарушителя явлениями.

Мы не можем безоговорочно согласиться с О. Э. Лейстом в том, что **всякое** осуществление санкции, предусматривающей принудительное исполнение обязанности, создает для обязанного сдерживающие юридические мотивы к тому, чтобы не совершать правонарушений¹⁹.

Само по себе принудительное исполнение обязанности, не выполненной добровольно, не всегда является для правонарушителя неблагоприятным последствием правонарушения²⁰. Более того, в отдельных случаях правонарушителю даже удобно применение к нему мер государственного принуждения в целях обеспечения исполнения ранее возложенной на него юридической обязанности. Например, лица, которые доставляют содержание своим детям не добровольно, а принудительно, в судебном порядке (эта мера предусмотрена санкцией правовой нормы, обязывающей родителей доставлять содержание несовершеннолетним детям, — ст. ст. 42 и 50 (КЗоБСО), иногда, кроме нежелания вообще помогать детям, не испытывают никаких неудобств от принудительного взыскания с них алиментов. Именно этим объяс-

¹⁷ См. П. Е. Недбайло, указ. соч., стр. 506.

¹⁸ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. соч., стр. 317—318.

¹⁹ О. Э. Лейст, указ. соч., стр. 89.

²⁰ Разумеется, мы не можем рассматривать в качестве отрицательного последствия правонарушения само исполнение юридической обязанности, которое может быть нежелательным для правонарушителя.

няется тот факт, что некоторые алиментщики многие годы мирятся с **принудительным** взысканием с них алиментов и не переходят к добровольному выполнению своей обязанности по содержанию детей. Им иногда бывает даже выгодно принудительное взыскание алиментов, ибо в этом случае им не приходится прилагать никаких усилий к выполнению своих обязанностей — суммы на содержание их детей удерживаются и отправляются по назначению бухгалтерией той организации, где работает алиментщик.

Не соглашаясь с О. Э. Лейстом и другими авторами, признающими ответственностью **всякое** принудительное исполнение правовой обязанности, мы в то же время не можем согласиться с О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, которые **вовсе отрицают** возможность выражения ответственности за правонарушение в принудительном исполнении обязанности, ранее возложенной на правонарушителя²¹.

На наш взгляд, не следует игнорировать то обстоятельство, что само принуждение к исполнению юридической обязанности, не выполненной правонарушителем добровольно, часто оказывает вполне эффективное воспитательное воздействие на правонарушителя и само по себе выступает в качестве отрицательного последствия правонарушения.

Например, сам факт принуждения к исполнению обязанности по содержанию детей является для **определенной категории** родителей действенным укором, достаточно эффективным неблагоприятным последствием уклонения от добровольного и своевременного предоставления средств на содержание детей. В практике судебных исполнителей бывают случаи, когда после удержания алиментов по исполнительному листу или после предъявления исполнительного листа к реализации ответчик вновь начинает добровольно и своевременно оказывать помощь в содержании своих детей, ввиду чего исполнительный лист отзывается истицей. В этих случаях, на наш взгляд, мера принуждения выступает как мера ответственности.

В качестве отрицательного последствия правонарушения выступает во многих случаях и административное выселение лиц, самоуправно занявших пустующую жилую площадь. Само принудительное выселение в этих случаях может явиться вполне достаточной мерой воздействия на правонарушителя. Если же административное выселение для тех или иных злостных правонарушителей не выступает как ответственность за самовольное вселение или является явно недостаточным, как мера ответственности, необходимы дополнительные меры воздействия, чтобы подлинная ответственность неминуемо последовала за правонарушением.

Следует отметить, что одно только «чистое» принуждение к исполнению ранее нарушенной юридической обязанности, не являющееся для правонарушителя **отрицательным** последствием правонарушения, не только не оказывает на него необходимого воспитательного воздействия, но и способствует выработке вредной привычки принудительно, а не добровольно выполнять решения и указания судебных и административных органов.

Вряд ли можно считать оправданным, в частности, такое положение, когда в течение многих лет в принудительном порядке выполняется решение суда о присуждении алиментов на детей. Думается, что если само принуждение к уплате алиментов не стимулирует родителя добровольно доставлять содержание детям, то необходимо

²¹ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. соч., стр. 318.

найти какие-то иные методы и меры воздействия, чтобы побудить их выполнять свою правовую обязанность, не дожидаясь применения государственного принуждения. Известно, например, что Госарбитражам предоставлено право взыскивать штраф со стороны, не выполнившей в срок решения арбитра. Такая мера, разумеется, стимулирует предприятия и учреждения выполнять арбитражные решения, не дожидаясь выдачи приказа на принудительное их исполнение. Нечто аналогичное, на наш взгляд, должно применяться и при уклонении от добровольной уплаты алиментов и в других подобных случаях, если само принуждение к исполнению ранее возложенной обязанности не стимулирует правонарушителя в дальнейшем выполнять ее добровольно. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

* * *

Произведенный анализ содержания и сущности ответственности за нарушение социалистических правовых норм позволяет нам сделать попытку дать определение понятия ответственности за правонарушение в социалистическом обществе.

Ответственность за нарушение социалистических правовых норм есть реакция со стороны социалистического государства и общества на правонарушение, содержащая отрицательные для правонарушителя последствия правонарушения и выраженная в применении к правонарушителю установленных правом мер государственного принуждения с целью перевоспитания правонарушителя и предупреждения правонарушений, а также иных мер государственного и общественного воздействия, установленных или санкционированных государством и выступающих вместо государственного принуждения.

Д. Бернштейн

СОЦИАЛИСТИК ҲУҚУҚ НОРМАЛАРИНИ БУЗГАНЛИК УЧУН ЖАВОБГАРЛИК МАСАЛАСИГА ДОИР

Мақолада социалистик ҳуқуқ нормаларини бузганлик учун жавобгарликка тортишнинг мазмун ва моҳияти таҳлил қилинади. Автор таъкидлаб кўрсатадики, совет қонунчилиги бўйича ҳозирги вақтда жавобгарликни давлат томонидан мажбур этиш чораларига тенглаштириб қўя қолиш мумкин эмас. Шунингдек, бу жавобгарликни норматив актларда кўрсатиладиган чоралар билан ҳам чеклаб қўйиш тўғри эмас. Мақола охирида автор социалистик жамиятда қонунни бузганлик учун жавобгарлик тушунчасининг умумий таърифини беришга ҳаракат қилади.

Е. И. ГОСТЕЕВА

О ГУМАНИЗМЕ ТАГОРА

Великий сын индийского народа Рабиндранат Тагор известен всему миру как талантливый поэт, писатель, драматург, публицист, композитор, живописец, философ, педагог, актер, певец, лингвист, активный политический деятель. Он написал свыше пятидесяти сборников стихов, двенадцать романов и повестей, около ста рассказов, более тридцати пьес, несколько сот публицистических статей, более двух тысяч песен (им же положенных на музыку), много работ по вопросам языка, литературы, философии и религии.

Как поэт и писатель Рабиндранат Тагор обладал ярким и своеобразным талантом. Его высокохудожественные произведения, оказавшие большое влияние не только на литературу, но и на общественную жизнь Индии, наполнены большой любовью к родине, своему народу, верой в его счастливое будущее. Они проникнуты гневным протестом против всякого порабощения и угнетения народов, против колониализма и кровопролитных войн, звучат страстным призывом к миру и дружбе народов.

Многогранно музыкальное творчество Тагора. Он создал патристические, героические, религиозные, лирические песни и музыкальные драмы, внес много нового, индивидуального в музыку и в то же время использовал в своих произведениях индийскую народную музыку, мелодии и напевы. Его песни и драмы были близки и понятны индийскому народу, они отражали его жизнь, его страдания и радости, мечты и надежды и потому были исключительно популярны в стране.

Яркий и своеобразный талант Р. Тагора нашел свое выражение и в живописи. Им написано свыше 2000 картин — портреты, пейзажи, изысканно-причудливые фантастические изображения, — в которых отразились индийские традиции изобразительного искусства и индивидуальные особенности автора. Картины художника полны гуманистичны и наполнены философским содержанием: в них он стремился выразить внутренний мир человека, показать его единство с природой.

Тагор был признанным толкователем индийской философской и религиозной мысли, но в то же время он имел свои самостоятельные философские взгляды, определяющие его общественно-политические позиции. Из созданных им философских произведений наиболее значительными являются «Садхана», «Религия человека», «Национализм», «Личное», «К универсальному человеку», «Гений Японии» и др. Философские взгляды Тагора отражаются и в его стихах, романах и пьесах, в публицистических статьях и публичных лекциях. Более того, он стремился претворять их в жизнь.

Много лет своей жизни Тагор посвятил педагогической деятельности. Он создал два учебных заведения, где пытался совершенствовать систему образования, воспитывать всесторонне развитых, морально здоровых, патриотически настроенных людей. Тагор-педагог написал ряд учебников для бенгальской народной школы и большое количество педагогических работ, в которых страстно выступал против колониальной политики англичан в области образования.

Р. Тагор был одним из виднейших общественно-политических деятелей Индии. Он выступал в поддержку национально-освободительного движения 1905—1908 гг., резко обличал чудовищные злодеяния английских колонизаторов в Индии (Амритсарские события 1919 г. и др.), участвовал в народных демонстрациях протеста, решительно осуждал империалистические войны, расизм, фашизм, последовательно и активно отстаивал идеи мира и братства народов.

Пламенный патриот своей родины, интернационалист, гуманист, Р. Тагор пел о любви к человеку, стремился помочь ему осознать свое величие, уверовать в свои силы и возможности.

Тагор был большим другом советского народа и искренне радовался его успехам. Он видел Советский Союз в трудные годы начала строительства нового общества. Но за внешними недостатками в жизни советских людей Тагор сумел увидеть их небывалую энергию и энтузиазм, сумел понять основные цели внутренней и внешней миролюбивой политики Советского государства. В годы второй мировой войны Р. Тагор, прикованный к постели тяжелой болезнью, с пристальным вниманием следил за борьбой советского народа против фашистских захватчиков. Его современник П. Махаланобис, вспоминая последние дни жизни Тагора, пишет, что он каждое утро с нетерпением ждал новостей с фронта из России и говорил, что победа России принесла бы ему огромное счастье¹.

* * *

Рабиндранат Тагор родился 7 мая 1861 г. в Калькутте, в семье родовитого бенгальского помещика. Его отец — Дебендранат Тагор — был человеком большой культуры и широких взглядов. Обстановка в семье Тагоров благоприятствовала развитию способностей юного Рабиндраната. Из этой большой семьи вышли талантливые художники, музыканты, артисты, поэты, ученые, выдающиеся политические деятели.

В доме Тагоров любили искусство. В кругу семьи и друзей часто слушали народные индийские сказания и легенды, исполнялись новые песни, музыкальные произведения и пьесы.

Так с юных лет воспитывались у Тагора эстетические навыки и вкусы. «В нашей семье, — писал он, — мы с детства росли в окружении музыки. Благодаря этому песни пронизывали все мое существо»².

В этой, по выражению Тагора, литературной и артистической обстановке он очень рано познакомился с творческим наследием своего народа, с классиками бенгальской литературы XIX в., народной литературой и религиозной вишнуитской средневековой лирикой. Рано познакомился юный Рабиндранат и с классиками европейской литературы. На него оказали большое влияние произведения Шелли, Гете, Брунинга, Китса и др.

¹ См. «Сборник статей «Р. Тагор», М., 1961, стр. 51—56.

² Р. Тагор, Сочинения, т. 8, М., 1957, стр. 83.

Уже с детских лет Тагор впитывал в себя идеи гуманизма, глубокой любви к своей родине, широкого интернационализма.

Но отнюдь не только семейная обстановка определила формирование мировоззрения писателя. Тагор жил в тяжелый для своей страны период колониального господства британского империализма. Жестоко эксплуатируя эту богатейшую страну, английские колонизаторы стремились всячески затормозить ее социально-экономическое, политическое и духовное развитие, законсервировать пережитки старых, феодальных отношений и тем самым упрочить свое господство над многомиллионным индийским народом.

Однако, несмотря на упорное сопротивление колонизаторов, опиравшихся на поддержку внутренней реакции, в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни индийского народа постепенно происходили существенные сдвиги. В стране усиливалось развитие капиталистических отношений, разложение пережитков феодализма, формировались кадры национального пролетариата, росло национальное и классовое самосознание народных масс, повышалась их общественно-политическая активность.

Индийский народ никогда не мирился с господством английских колонизаторов. Огромный толчок дальнейшему развитию национально-освободительного движения в Индии дала победа Великой Октябрьской социалистической революции в России. Величайший революционный подвиг советского народа всколыхнул и вдохновил угнетенные народы всех стран, в том числе многогроздальной Индии, на дальнейшую борьбу за национальную независимость и социальный прогресс. Идеи национально-освободительного движения охватывают все более широкие массы индийского народа.

Мировоззрение Р. Тагора формировалось в общем русле развития общественных идей его времени. Оно впитало в себя пробудившийся дух индийского народа, его стремление к национальному освобождению, возрождению и укреплению национальных традиций. В связи с этим взгляды Тагора развивались под сильными влияниями древнеиндийской философии, учений Упанишад, буддизма.

Лейтмотивом творчества Тагора является гуманизм. Гуманистические идеи проходят красной нитью через его философские воззрения, общественные взгляды и религиозные убеждения.

Будучи религиозным, Тагор в то же время никогда не был поклонником религиозных ритуалов. Он резко выступал против фанатизма, ханжества и лицемерия священнослужителей, видел и осуждал то зло, которое приносит религия народу. Его бог — олицетворение гуманности, человеколюбия. Почитание бога, любовь к нему означали для Тагора почитание и любовь к человеку, служение человечеству.

Идею гуманности бога Тагор обосновывает в своем философском произведении «The Religion of Man». Тагор сам говорил, что это — главный вопрос книги.

Философия Тагора проникнута идеями гуманизма. Он ставит человека превыше всего и считает конечной целью жизни радость и счастье людей. В одном из своих стихотворений Тагор с возмущением пишет о том, что история полна воспоминаний о пролитой крови, о завоеваниях и завоевателях:

«Лили кровь, силу попусту тратили,
Сея гибель и смерть где придется,
Победители, завоеватели,
Предводители орд, полководцы».

Но поэт верит, что настанет время, когда
 «Упразднит триумфаторов статуи,
 Арки, шлемы, солдатские каски.
 Былью войн, стариной бесноватую
 Будут заняты детские сказки»³.

Оптимистическая философия Тагора пронизана верой в неограниченную возможность совершенствования человеческой жизни, самого человека, в возможность познания мира. Он считает, что человек может стать совершенным в самом высшем понятии этого слова.

Гуманизмом проникнуты и общественные взгляды Тагора. Он всегда был защитником угнетенных и обездоленных. В сборнике «Залетные птицы» он с горечью говорит: «Человеческая история терпеливо дожидается, когда наступит торжество для оскорбленного человека»⁴.

Симпатии Тагора к угнетенным тесно переплетаются с его ненавистью к угнетателям, колонизаторам. Так, в стихотворении «Африка» поэт говорит:

«О ты, погруженная в сумрак,
 Ты, чей человеческий образ
 Под черною тканью таится
 От взоров людей недостойных!
 Явились они с кандалами,
 Такими, как когти гиены;
 То было насильников стадо,
 И в думах их — мрак полуночный.
 А их первобытная алчность —
 Бесстыдна и бесчеловечна.
 И вот от беззвучного плача
 На залитых кровью тропинках
 Пыль стала кровавою грязью.
 И комья той грязи презренной
 Твои осквернили прощанья»⁵.

Когда в 1919 г. английские колонизаторы зверски расстреляли мирную демонстрацию индийцев, Тагор выступил с решительным протестом против этой кровавой бойни. Он написал резкое письмо английскому вице-королю и в знак протеста отказался от титула баронета, присвоенного ему английским королем. Это был смелый шаг в условиях колониальной Индии. Позднее в страхе началась кампания за сооружение памятника погибшим в Амритсаре. Однако Тагор отказался участвовать в этом деле потому, что, по его мнению, индийцы не дали достойного отпора англичанам, не проявили должного героизма.

В произведениях Тагора часто звучит призыв к борьбе, к сопротивлению, хотя это противоречит его общей концепции ненасилия и примирения противоречий. В одном из стихотворений сборника «Гитобитан» («Свод песен») поэт призывает отбросить осторожность и встать на путь решительной борьбы:

«Как водопад с неприступной свергается кручи,
 Так без раздумья на путь выходи неизвестный.
 Ты от борьбы и препятствий лишь станешь могучим,
 Вблизи станут чужие в единстве чудесном.
 Поторопись! За тобою другие по следу!
 Пусть же фанфары в пути прославляют победу!»⁶

³ Р. Тагор, Сочинения, т. 7, стр. 181.

⁴ Там же, стр. 303.

⁵ Там же, стр. 143.

⁶ Там же, стр. 152.

Горячий протест против всякого гнета и несправедливости прорывается во многих стихотворениях Тагора, повествующих о тяжелых страданиях угнетенных масс.

В «Письмах о России» Тагор также неоднократно говорит о тяжелой жизни индийского народа и о своем стремлении как-то облегчить его судьбу. В одном из писем он пишет: «Видя бедствия наших несчастных людей, я подавлял в себе гордость. Я обращаюсь к властям за помощью, ... но брошенная милостыня унижала гордость и оставляла желудок пустым»⁷.

В романе «Дом и мир» Тагор рисует картину бедственного положения своего народа: «Изо дня в день они переживают смертельную нужду и из последних сил ведут борьбу за то, чтобы хоть как-нибудь продлить свое существование. Вы не можете даже представить себе, что значит для них эти две пайсы»⁸.

В статье «Кризис цивилизации» Тагор пишет о «ранящей сердце, ужасающей нищете народа», в которой он видит следствие колониального гнета. В рассказе «Письмо женщины» он говорит о положении крестьянской семьи: «А наша бенгальская деревенская еда — эту насмешку над едой твой дядя помнит и до сих пор»⁹.

В произведении «Свет и тени» Тагор описывает картину колониальной действительности в Индии — произвол английских властей, трусость и раболепие некоторых индийских чиновников, находящихся на службе у колониальной администрации, забитость народных масс. Индия, говорит Тагор, превращена в колониальную тюрьму.

В статье «Кризис цивилизации» Тагор сурово осуждает колониализм со всеми его пагубными последствиями для угнетенных народов. Он пишет: «Настанет день, когда поворот колеса судьбы заставит англичан покинуть принадлежащую им индийскую империю. Но какую Индию оставят они после себя, какую ужасающую нищету! Когда поток их более чем векового господства схлынет, какое останется количество грязи, какое опустошение»¹⁰.

Осуждая колониальную политику империализма, Тагор гневно выступал против фашистской агрессии в Абиссинии, Испании, Китае, Чехословакии. Он писал:

«Солнце века заходит посреди облаков,
Окрашенных кровью на празднике ненависти,
В бряцаньи оружия звучит безумная, страшная мелодия смерти.
Жестокая цивилизация, раздув, словно змея, свой капюшон,
Наполнила страшным ядом свои невидимые зубы»¹¹.

В романе «Дом и мир» он предвещает печальный конец империализма: «— Никто не заметил, когда Рим начал отвечать за свои преступления. Он всегда славился своим богатством. Сейчас также трудно увидеть, как расплачиваются за свои деяния огромные цивилизованные государства-хищники. Но неужели же ты не видишь, как велико бремя грехов, которые они тащат на своих плечах, — вся эта лживая политика, обманы, предательство, шпионаж, попиранье истины и справедливости во имя сохранения своего престижа; разве же ты не видишь, как это все более и более обескровливает их культуру?»¹²

⁷ Р. Тагор, Письма о России, М., ГИХЛ, 1956, стр. 58.

⁸ Р. Тагор, Сочинения, т. 3, стр. 104.

⁹ Там же, т. 5, стр. 220.

¹⁰ Там же, т. 8, стр. 420.

¹¹ Там же, стр. 51—52.

¹² Там же, т. 3, стр. 33.

Тагор в своих философских воззрениях исходил из положения о примате этического начала в жизни человека, из идеи морального совершенствования и необходимости применения ненасильственных методов борьбы со всяким злом. Следуя индийской традиции, Тагор осуждал применение насилия как средства осуществления политических задач и преодоления культурной и экономической отсталости страны. Он считал, что эта цель может быть достигнута путем «созидательной деятельности», распространения культуры и пропаганды знаний среди народных масс.

Тагор считал основной причиной, задерживающей развитие Индии, невежество народа. В одном из писем о России он говорил: «Я придерживаюсь мнения, что основой всех нынешних бедствий, выпавших на долю Индии, является невежество, национальная вражда, религиозная рознь, отсутствие творческой инициативы, экономическая слабость — все это связано с недостатком образованности».

Просветительские мысли Тагора в условиях Индии, борющейся за свою независимость, имели прогрессивное значение, но в то же время они носили утопический характер. Тагор не понимал, что без достижения политической свободы невозможно сколь-нибудь широкое просвещение народа.

Гуманизм Тагора имел черты, общие с буржуазным гуманизмом. Он носил абстрактный, отвлеченный характер. Тагор говорил о любви к человеку вообще, вне конкретно-исторических условий, классовой принадлежности и т. д.

Однако гуманизм Тагора явно выходил за рамки буржуазного гуманизма. Это объясняется тем, что социальной основой его было национально-освободительное движение, борьба индийского народа за свою независимость.

Социальная основа гуманизма великого мыслителя обусловила и проблематику многогранного творчества Тагора. В центре внимания его стояли идеи национального освобождения Индии, улучшение положения индийского крестьянства, просвещение народа, пробуждение его национального самосознания.

Р. Тагор думал не только о нуждах своего народа. Гуманизм его носил интернациональный характер, что не свойственно буржуазному гуманизму. Пламенный патриот своей родины, Тагор всегда выступал против узконационалистических настроений, считая, что они не могут привести ни к чему хорошему и даже называл национализм «великой угрозой».

С позиций гуманизма и интернационализма Тагор резко осуждал индивидуализм, личную корысть и жадность наживы, проповедовал идеи дружбы и взаимопомощи, сотрудничества и коллективизма. Он считал единственным выходом из бедственного положения индийского крестьянства путь кооперации в сельском хозяйстве и пытался осуществить его на деле.

Тагор не был поборником частной собственности и не считал ее священной и необходимой для развития личности. Он указывал, что стремление к наживе отнюдь не способствует усовершенствованию и развитию личности, правильному воспитанию человека.

Все это поднимает Тагора над буржуазным гуманизмом. Безусловно, его гуманизм еще не был социалистическим; это — особый вид или форма гуманизма, выдвинутая самой жизнью под влиянием национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

Замечательные идеи гуманизма Тагора созвучны нашей эпохе, они перекликаются с теми насущными задачами, которые стоят ныне перед всем прогрессивным человечеством, борющимся за мир и дружбу народов, за подлинную демократию и социальный прогресс.

Е. И. Гостеева

ТАГОР ГУМАНИЗМИ ҲАҚИДА

Мақола ҳинд халқининг буюк фарзанди Рабиндранат Тагорнинг гуманистик қарашларига бағишланади. Авторнинг таъкидлашича, маълум даражада чекланганлиги ва мавҳумлигига қарамасдан Тагор гуманизми буржуа гуманизми доирасидан ташқари чиқади. Бу ўзига хос гуманизм бўлиб, миллий озодлик ҳаракати, ҳинд халқининг мустақиллик ва озодлик учун олиб борган кураши таъсирида вужудга келгандир.

М. НИШАНОВ

**ИЗ ИСТОРИИ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
ИРАНСКОГО НАРОДА (1951—1953)**

Одной из характерных черт современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе — является полное крушение колониальной системы империализма под напором мощной волны национально-освободительных революций.

Глубокое и всестороннее исследование актуальных проблем мирового национально-освободительного движения входит в круг важнейших задач советского востоковедения в свете исторических решений XX—XXII съездов КПСС. Большой политический и научный интерес представляет, в частности, изучение и освещение истории антиимпериалистического движения в Иране. Одной из ярких страниц ее является борьба иранского народа за ликвидацию оплота британского империализма на Ближнем и Среднем Востоке — Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК) — и национализацию нефтяной промышленности страны.

В течение многих лет хозяева АИНК хищнически грабили национальные богатства Ирана, жестоко эксплуатировали иранских рабочих и бесцеремонно вмешивались во внутренние дела страны. Даже из официального отчета кампании видно, что, например, в 1948 г. она получила 61 млн. долларов чистой прибыли, а Ирану досталось лишь 9 млн. долларов¹.

Английские монополисты превратили АИНК не только в орудие ограбления иранского народа, но и в спору своей империалистической политики, активно содействуя внутренней реакции в подавлении рабочего, аграрного, национально-освободительного движения, всех прогрессивных сил страны.

Хищническое хозяйничание АИНК, грубое вмешательство империалистов в иранские дела, антinationальная, проимпериалистическая политика реакционных кругов страны вызывали растущее возмущение широких народных масс, недовольство мелкой и средней национальной буржуазии.

С конца 1950 г. в Иране начало разворачиваться массовое движение за национализацию нефтяной промышленности. Основной движущей силой антиимпериалистической борьбы выступили рабочий класс и трудовое крестьянство. В движение включились также прогрессивная интеллигенция, часть низшего духовенства и национальная буржуазия, особенно мелкая и средняя.

Участие национальной буржуазии в этом движении объясняется прежде всего ее стремлением «стать хозяином в своем доме» — изба-

¹ The New York Times, October 16, 1951.

ниться от засилия и конкуренции иностранных монополий, препятствующих развитию национального капитала.

Как известно, национальная буржуазия по своей природе имеет двойственный характер. Еще В. И. Ленин указывал на революционные возможности национальной буржуазии колониальных и зависимых стран и подчеркивал, что пролетариат должен поддерживать «буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны»².

В то же время В. И. Ленин отмечал соглашательские, предательские тенденции части либеральной буржуазии, готовой договориться с империализмом за спиной народа и за его счет.

В Программе КПСС говорится, что «в современных условиях национальная буржуазия в колониальных, бывших колониальных и зависимых странах, не связанная с империалистическими кругами, активно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Следовательно, еще не исчерпаны ее прогрессивная роль, ее способность участвовать в решении насущных общенациональных задач.

Однако по мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией»³.

Глубокая справедливость этих положений полностью подтверждается на примере развития антиимпериалистического движения в Иране 1951—1953 гг.

Борьба за ликвидацию ненавистной иранскому народу АИНК и национализацию нефтяной промышленности Ирана приняла поистине общенациональный характер. В январе-марте 1951 г. в Тегеране, Казвине, Куме, Реште, Мешхеде, Абадане, Амоле, Араке, Исфагане, Ширазе и других городах страны по призыву «Национального общества борьбы против АИНК», «Национального фронта», «Общества помощи крестьянам», «Общества свободы Ирана» и других общественно-политических организаций состоялись антиимпериалистические митинги и демонстрации, в которых приняли участие сотни тысяч трудящихся. Они требовали не только изгнания АИНК и безвозмездной передачи иранскому правительству всех ее предприятий, но и предоставления подлинной свободы печати, свободы деятельности демократических организаций, свободы личности и отмены военного положения в стране⁴.

Под давлением широких масс иранский меджлис, несмотря на интриги и угрозы английских империалистов и происки связанной с ними внутренней реакции, 15 марта 1951 г. принял решение о национализации нефтяной промышленности, а 28 апреля утвердил закон о порядке его выполнения. Принятие этого закона явилось крупной победой всех прогрессивных патриотических сил страны, значение которой выходило за рамки Ирана, ибо она означала ликвидацию мощного оплота английского империализма на Ближнем и Среднем Востоке.

Трудящиеся массы Ирана горячо одобрили решение меджлиса о национализации нефтяной промышленности страны⁵. По призыву про-

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 217.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 47.

⁴ Газ. «Эттелаат». 27 января, 18 февраля, 10 марта 1951 г.

⁵ بنیة عبدالحسین، پردههای سیاست، تیران، ۱۹۵۰، ص: ۶۶

грессивных политических партий и демократических организаций во второй половине марта и в апреле 1951 г. по всей стране прокатилась волна антиимпериалистических выступлений трудящихся, в которых участвовали сотни тысяч людей. Они требовали немедленного осуществления закона о национализации и изгнания английских империалистов из Ирана⁶.

В обстановке общего подъема антиимпериалистического движения 29 апреля 1951 г. было сформировано правительство национальной буржуазии во главе с М. Мосаддыком. Характерно, что первым внутривнутриполитическим актом нового правительства было официальное разрешение первомайских демонстраций в Иране. Принятие этого акта объясняется тем, что пришедшая к власти национальная буржуазия и ее политическая организация «Национальный фронт» нуждались в поддержке широких масс и потому вынуждены были учитывать требования трудящихся о предоставлении демократических свобод.

2 мая Мосаддык обнародовал программу своего правительства, состоявшую из двух пунктов, первым из которых было проведение в жизнь закона о национализации нефтяной промышленности⁷.

Эти мероприятия правительства вызвали широкую поддержку демократических сил страны. Так, участники 200-тысячной демонстрации и митинга, организованных 12 и 29 мая 1951 г. «Национальным обществом борьбы против империализма», единогласно одобрили позицию правительства и потребовали быстрого изгнания английских империалистов из Ирана, конфискации всего имущества АИНК в счет покрытия ущерба, нанесенного Ирану компанией за время ее полувекового господства в стране.

Под давлением народных масс иранское правительство приняло 20 июня 1951 г. решение, согласно которому:

1) решения и инструкции правления или главного управления предприятиями бывшей АИНК впредь не подлежали исполнению;

2) предписывалось назначить наблюдателей правительства для контроля за выполнением запрещения деятельности компании на нефтепромыслах в Нафте-Шахе и нефтеперегонном заводе в Керманшахе;

3) подлежал ликвидации отдел информации бывшей АИНК;

4) предписывалось повсеместно заменить вывески бывшей компании вывесками «Иранской национальной нефтяной компании» (ИННК);

5) впредь доходы от продажи нефти подлежали внесению в отделения Национального банка Ирана на текущий счет «Иранской национальной нефтяной компании», а в случае отсутствия в данном населенном пункте отделения банка — в кассу управления финансами данного района⁸.

В тот же день в обстановке всеобщего ликования над главным зданием правления бывшей АИНК в Абадане был поднят иранский флаг. По этому случаю в Абадане и других городах страны состоялись массовые митинги и демонстрации, участники которых одобрили мероприятия правительства по национализации иранской нефтяной промышленности⁹.

⁶ Эттелаат, март-апрель 1951 г.

⁷ Эттелаат, 3 мая 1951 г.

⁸ ۵۳۴ (далее: Мостафа Фатех, указ. соч.,...).

⁹ The New York Times, June 21, 1951.

25 сентября 1951 г. правительство Ирана объявило об увольнении английских специалистов с предприятий бывшей АИНК и о передаче нефтеперегонного завода в Абадане «Иранской национальной нефтяной компании». К 4 октября все служащие компании (350 человек) покинули территорию Ирана¹⁰.

Мероприятия иранского правительства по ликвидации АИНК и национализации нефтяных богатств вызвали отчаянное сопротивление как английских, так и американских нефтяных монополистов. Под их нажимом Международный суд в Гааге 5 июля 1951 г. вынес постановление о том, что «иранское правительство не должно предпринимать мер, ограничивающих деятельность АИНК»¹¹. Это незаконное решение вызвало резкий протест иранского народа, под воздействием которого иранское правительство направило 9 июля 1951 г. послание на имя генерального секретаря ООН, уведомив его, что Иран не признает решение Международного суда от 5 июля 1951 г., как противоречащее Уставу ООН¹².

В ответ на высылку служащих бывшей АИНК из Ирана английское правительство при поддержке США передало в Совет Безопасности ООН «жалобу» на Иран, рассчитывая использовать механическое большинство в Совете Безопасности для нажима на национально-освободительное движение иранского народа¹³.

Надо сказать, что правительство США в начале движения за национализацию иранской нефти внешне придерживалось политики «невмешательства», рассчитывая использовать освободительное движение для вытеснения Англии и усиления своих позиций в Иране. Однако решительная борьба иранского народа против английских и американских монополий спутала замыслы правящих кругов США. Сбросив фальшивую маску «незаинтересованности», они перешли к активному вмешательству в иранские дела. Уже 18 мая 1951 г. правительство США направило ноту Ирану, а 3 июня и 9 июля президент Трумэн обратился с личными посланиями к Мосаддыку, выражая обеспокоенность правящих кругов США «нефтяным конфликтом» и предлагая принять в Тегеране в качестве «посредника» в англо-иранском споре личного представителя Трумэна А. Гарримана.

Открытое вмешательство США во внутренние дела Ирана вызвало законное возмущение широких слоев населения страны. 15 июля, в день прибытия А. Гарримана в Иран, в Тегеране состоялась 100-тысячная демонстрация протеста, участники которой решительно протестовали против приезда посланца американских монополий и требовали прекращения иностранного вмешательства во внутренние дела Ирана.

Антиимпериалистическое движение было направлено теперь как против английского, так и против американского империализма, против любой формы колониальной эксплуатации и грабежа. Рост освободительного движения в стране напугал не только связанные с иностранным капиталом компрадорско-помещичьи круги, но и национальную буржуазию, особенно ее правое крыло. Реакция учинила кровавую расправу над демонстрацией в Тегеране; были закрыты демо-

¹⁰ Мостафа Фатех. указ. соч., стр. 567.

¹¹ Эттелаат, 7 июля 1951 г.

¹² Эттелаат, 10 июля 1951 г.

¹³ ع. دانشپور، نیرنگ بازار نفت یا علل شکست میسیون گارنر، تهران، ۱۳۳۱، ص، ۱۸

кратические организации и органы печати и арестовано свыше 1000 человек¹⁴. Непосредственным организатором этих репрессий был генерал Захеда, действовавший по указке американского посольства¹⁵.

Преследования прогрессивных элементов показали, что по мере углубления антиимпериалистического движения в правительстве Мосаддыка и в «Национальном фронте» усиливалось влияние правого крыла, враждебно относившегося к прогрессивно-демократическим силам и не желавшего дальнейшего углубления и расширения антиимпериалистической борьбы. Кровавые события июля 1951 г. ярко раскрыли соглашательский характер национальной буржуазии, готовность ее правого крыла пойти на сговор с империализмом и внутренней реакцией.

Тем временем империалистические круги Лондона и Вашингтона пришли к обоюдному согласию о необходимости убрать «несговорчивое» правительство Мосаддыка, «использовав для этого все способы, в том числе силу в самом Иране»¹⁶. «Тогда с правительством, пришедшим вместо Мосаддыка, — писал А. Иден, — можно было бы заключить приемлемое соглашение»¹⁷.

Империалисты пустили в ход отравленное оружие антикоммунизма, всячески стремясь вытравить из иранского национализма его общедемократическое содержание и антиимпериалистическую направленность. Одновременно они оказывали политическое давление на правительство Ирана, организовали экономическую блокаду страны, всячески поощряли вылазки внутренней реакции и т. п.

18 июля 1952 г. реакционными силами Ирана при активной поддержке англо-американских империалистов удалось сместить правительство Мосаддыка и образовать новый кабинет во главе с Кавамом ас-Салтане, готовым подовать национально-освободительное движение, разгромить демократические организации Ирана и разрешить нефтяной вопрос в пользу иностранных монополий.

В знак протеста против незаконного прихода к власти правительства Кавама «Национальное общество борьбы против империализма» обратилось 20 июля ко всем патриотам, партиям и общественным организациям страны с призывом к созданию единого антиимпериалистического национального фронта против происков американских империалистов и внутренней реакции.

Большинство депутатов меджлиса от «Национального фронта» призвали иранский народ провести всеобщую забастовку протеста. 21 июля 1952 г. в Иране началась всеобщая забастовка. На улицы Тегерана вышло 200 тыс. демонстрантов¹⁸, которые потребовали немедленного смещения правительства Кавама, прекращения вмешательства американских и английских империалистов во внутренние дела Ирана и аннулирования всех военных соглашений с США¹⁹.

Такие же забастовки, митинги и демонстрации состоялись в Абадане, Куме, Хорремшехре, Ахвазе, Казвине, Ширазе, Исфагане, Керманшахе. Под натиском трудящихся масс правительство Кавама вынуждено было 21 июля подать в отставку. Каваму пришлось покинуть Иран. К власти вновь пришло правительство Мосаддыка.

¹⁴ Мостафа Фатех, указ. соч., стр. 607.

¹⁵ Эттелаат, 17 июля 1951 г.

¹⁶ Д. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, Лондон, 1956, стр. 290.

¹⁷ Мемуары Автоня Идена, журн. «Международная жизнь», 1960, № 4, стр. 131.

¹⁸ جعفر علی ذاده احمد، بیاد شهدای س ام تیر ماه ۱۳۳۱، اصفهان، ۱۳۳۱، ص ۵۱

¹⁹ Газ. «Деж», 22 июля 1952 г.

Июльские события 1952 г. убедительно подтвердили необходимость и возможность создания в Иране единого национально-патриотического фронта всех сил, борющихся против империализма и внутренней реакции.

Враждебная политика Англии в отношении Ирана вызывала крайнее возмущение широкой общественности страны. Так, участники 10-тысячного митинга, состоявшегося в Тегеране 17 октября 1952 г., единодушно потребовали порвать дипломатические отношения с Англией²⁰.

Под давлением народных масс правительство Ирана 22 октября 1952 г. объявило о разрыве дипломатических отношений с Англией. Это решение было восторженно принято иранским народом. Все сотрудники британского посольства покинули Иран. Была ликвидирована и английская церковная миссия²¹. Что касается действовавших ранее 9 английских консульств, то они были закрыты еще 21 января 1952 г.

Однако по мере развития антиимпериалистической борьбы иранского народа все ярче вырисовывалась двойственность, ограниченность и непоследовательность национальной буржуазии, ее страх перед углублением и расширением общедемократического движения, перед усиливающимся влиянием прогрессивных сил и растущей активностью народных масс. Политика правительства и руководства «Национального фронта» была непоследовательной и противоречивой, их борьба против империализма и внутренней реакции была нерешительной и половинчатой, причем Мосаддык неоднократно отказывался от предложений демократических сил о совместных действиях против реакции.

Правительство национальной буржуазии фактически отказалось от сотрудничества с социалистическим лагерем в столь трудное для Ирана время. А между тем, именно Советский Союз и другие страны социалистического лагеря активно и последовательно выступали в защиту национальных интересов Ирана, разоблачая империалистическую политику Англии и США.

Воспользовавшись нерешительностью правительства национальной буржуазии и разобщенностью антиимпериалистических сил Ирана, внешняя и внутренняя реакция осуществили 19 августа 1953 г. контрреволюционный переворот, свергнув правительство «Национального фронта». Мосаддык и его министры были арестованы, все демократические общественные организации, а также «Национальный фронт» разгромлены, прогрессивные органы печати закрыты. В стране начался разгул черной реакции.

В октябре 1954 г. иранская нефть была передана Международному консорциуму, в котором главенствующую роль играют американские монополии, всячески стремящиеся упрочить свои позиции в Иране.

Антиимпериалистическое движение иранского народа 1951—1953 гг. потерпело, таким образом, тяжелое поражение. И тем не менее оно вошло яркой страницей в историю освободительной борьбы иранского народа, широкие массы которого все активнее включаются в борьбу за мир, демократию и социальный прогресс, за улучшение и развитие дружественных добрососедских отношений между Ираном и его великим северным соседом — СССР.

²⁰ Салабате шарг, 19 октября 1952 г.

²¹ The World of to day, vol. 9, N 10, 1953, p. 424.

М. Нишанов

**ЭРОН ХАЛҚИНИНГ ИМПЕРИАЛИЗМГА ҚАРШИ ҚУРАШ
ТАРИХИДАН (1951—1953 ЙИЛЛАР)**

Мақолада конкрет фактик материал асосида Эрон халқининг озодлик учун кураш тарихидаги ёрқин саҳифа — 1951—1953 йиллардаги империализмга қарши инглиз-эрон нефть компаниясини тугатиш, Эрон нефть саноатини миллийлаштириш учун кураш ёритилади.

М. ДАВЛЕТ-ЮСУПОВ

ОБ УЧАСТИИ СОЮЗА «КОШЧИ» В УКРЕПЛЕНИИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ УЗБЕКИСТАНА (1925—1930)

Союз «Кошчи» как массовая организация сельской бедноты Туркестана был создан осенью 1920 г. Первоначально он объединял батраков и чайрикеров, безземельных и малоземельных дехкан, а затем в союз стали принимать и середняков.

Перед союзом «Кошчи» в то время стояли большие и сложные задачи: содействие органам Советской власти в восстановлении сельского хозяйства и осуществлении ленинского кооперативного плана; оказание экономической помощи бедноте; проведение культурно-просветительной работы на селе; ограждение трудового дехканства от влияния байства, манапства, кулачества и духовенства; укрепление местных Советов; борьба с басмачеством и белогвардейщиной и т. д. Таким образом, деятельность союза была весьма многогранной. Объединяя пролетарские и полупролетарские массы кишлака и аула, союз являлся надежной опорой Коммунистической партии и Советской власти, проводником идей социализма среди широких масс трудового дехканства.

После национально-государственного размежевания Средней Азии была произведена реорганизация союзов «Кошчи» Туркестана, Бухарской и Хорезмской республик. Органы союза «Кошчи» были образованы во всех областях вновь созданной Узбекской ССР, а ранее существовавшие организации союза были укрупнены и укреплены. На 1 июля 1925 г. союз насчитывал почти 156 тыс. членов (из них 25% батраков), в том числе 2 тыс. женщин¹.

Союз «Кошчи» Узбекистана просуществовал с 1925 до 1930 г. Под руководством Коммунистической партии он активно участвовал в борьбе с остатками басмачества, эксплуататорскими элементами кишлака и аула, в проведении земельно-водной реформы, кооперировании трудового дехканства, укреплении его экономического положения, восстановлении и развитии хлопководства, раскрепощении женщин-дехканок, проведении культурной революции на селе и т. д.

Организации союза «Кошчи» сыграли активную роль и в укреплении местных Советов УзССР в 1925—1930 гг. Как известно, на заре советского строительства в Узбекистане в деятельности местных Советов, особенно сельских, имелись серьезные недостатки. В Кашкардарьинской, Сурхандарьинской и Хорезмской областях УзССР, ранее входивших в состав Бухарской и Хорезмской НСР, некоторое время еще сохранялась аксакальская система управления, а в отдельных волостях и селах продолжали действовать ревкомы. Многие местные органы Советской власти не имели должного опыта работы, плохо про-

¹ История Узбекской ССР, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 243.

водили в жизнь решения вышестоящих органов, не опирались на сельский актив, действовали в отрыве от местного населения. Аппарат некоторых низовых Советов допускал бюрократизм, волокиту, безответственное отношение к работе, злоупотребления властью и т. п.

Основной причиной этих ошибок и недостатков в работе отдельных местных Советов была засоренность их классово чуждыми элементами. Эксплуататорская верхушка кишлака, активно участвовавшая ранее в басмаческом движении и прочих антисоветских выступлениях, теперь старалась пробраться обманным путем в советские органы и, пользуясь неграмотностью и неопытностью отдельных председателей из бедняков и батраков, вела подрывную работу в Советах, пытаясь взорвать их изнутри.

В целях дальнейшего укрепления Советской власти на местах, развертывания социалистического переустройства кишлака и аула и решения других актуальных задач хозяйственного, политического и культурного строительства необходимо было прежде всего оздоровить и укрепить местные Советы, очистить их от классово чуждых и случайных элементов.

Очередные задачи советского строительства в Узбекистане были всесторонне освещены в резолюциях I и II съездов Компартии Узбекистана (1925 г.). В решении этих задач самое деятельное участие должна была принять и такая массовая организация трудящихся кишлака и аула, как союз «Кошчи».

Выступая с докладом на первом съезде союза «Кошчи» в июле 1925 г., Председатель Президиума ЦИК Советов УзССР Юлдаш Ахунбабаев говорил: «Только тогда, когда каждый дехканин поймет, что Советская власть — его власть, когда он примет участие в ее строительстве, только тогда мы сможем наладить нашу работу в кишлаках... Мы много говорили о необходимости улучшения советского аппарата, но как это можно сделать? Надо проводить дехканские собрания и выявлять на них все недостатки работы, бороться с реакционными влияниями, втягивать женщин в общественную жизнь, выдвигать их в сельсоветы и в волисполкомы, привлекать к советскому строительству середняков и т. д. Кто должен это сделать? — Союз «Кошчи», как передовая организация кишлака... Союз «Кошчи» должен посылать своих лучших, активнейших членов в эти организации»².

Заслушав и обсудив доклад Ю. Ахунбабаева, съезд союза «Кошчи» принял постановление, в котором говорилось о необходимости самого активного участия союза в совершенствовании советского аппарата снизу доверху, приближении его к широким слоям рабоче-крестьянских масс, усилении борьбы со всякими нарушителями законов Советской власти. Съезд указал, что неотложной задачей членов союза является очищение низовых советских органов от засилия байско-кулацких элементов и укомплектование их лучшими представителями бедняцко-батрацких масс, честными, преданными партии и народу, хорошо знающими нужды трудящихся и прислушивающимися к их голосу³.

Состоявшийся в ноябре 1925 г. II съезд КП(б)Уз указал, что союз «Кошчи» должен играть в советском строительстве организационно-вспомогательную и воспитательную роль, способствуя укреплению советского аппарата в кишлаке. Он должен втягивать в Советы трудовое дехканство, содействуя проведению всех практических меро-

² ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 25, 111, 302; Правда Востока, 28 июля 1925 г.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 25, 111, 302.

приятный и активизации общественно-политической жизни кишлака. На долю союза «Кошчи» выпадает также важная функция общественного контроля. Не вмешиваясь в распоряжения или постановления местных органов власти, союз «Кошчи» должен извещать о всех их ошибочных действиях вышестоящие советские организации⁴.

В дальнейшем укреплении и улучшении деятельности местных Советов УзССР большую роль были призваны сыграть перевыборы Советов республики. 18 ноября 1925 г. ЦИК Советов УзССР утвердил календарные сроки перевыборов для сельских (январь 1926 г.), волостных (февраль), уездных и областных Советов (март—май). Президиум УзЦИК указал также на необходимость широкого вовлечения в кампанию по перевыборам Советов всех массовых общественных организаций республики — профсоюзов, союза «Кошчи», комсомола⁵.

В ноябре 1925 г. Президиум ЦК союза «Кошчи» специально обсудил вопрос о практическом участии союза в перевыборной кампании. В постановлении указывалось, что представители областных комитетов «Кошчи» войдут в состав областных комиссий по перевыборам Советов, представители уездных, районных и волостных комитетов — в соответствующие уездные, районные и волостные комиссии, а представители ЦК союза «Кошчи» — в состав Центральной избирательной комиссии УзССР. ЦК союза «Кошчи» призвал всех членов союза к активному участию в перевыборной кампании. Местные органы «Кошчи» должны были составлять списки избирателей и лиц, лишенных избирательных прав, помогать своим членам — депутатам Советов — отчитываться перед избирателями.

В декабре 1925 г., накануне перевыборов, состоялось второе республиканское совещание работников областных и уездных комитетов союза «Кошчи», вновь обсудившее вопрос об участии союза в перевыборной кампании. На совещании было решено заранее наметить кандидатов в Советы от союза «Кошчи»⁶. ЦК союза откомандировал 75% своих работников на места для непосредственного участия в выборах.

Перевыборы Советов, совпавшие с проведением земельно-водной реформы в трех основных областях УзССР, проходили в обстановке ожесточенной классовой борьбы с баями, кулаками, реакционным духовенством и прочими антисоветскими элементами, стремившимися всячески помешать советизации и аграрным преобразованиям в кишлаке и ауле.

В этих условиях союз «Кошчи» под руководством партийной организации республики проделал большую работу по разоблачению всяких проносов и провокаций эксплуататорских элементов, пытавшихся сорвать и земельно-водную реформу, и перевыборы местных Советов. Члены союза «Кошчи» разъясняли дехканам советские законы, их гарантированные Конституцией гражданские права, значение перевыборов Советов и аграрных преобразований в кишлаке⁷.

Своей активной деятельностью союз «Кошчи» во многом способствовал успешному проведению на селе первой в Узбекистане широкой кампании по перевыборам органов Советской власти. В выборах местных Советов приняли участие свыше 709 тыс. сельских жителей (46,6% сельского населения УзССР), в том числе свыше 50,5 тыс. женщин. В выборах участвовало около 145 тыс. членов союза «Кошчи».

⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 1, д. 1205.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 3, 111, 301.

⁶ Там же, д. 22, л. 45—87.

⁷ Там же, д. 111, 224, 302.

В состав сельских Советов было избрано 22 106 человек (из них 1438 женщин), в том числе 2691 коммунист и 2432 комсомолец. Среди депутатов сельских Советов было 8184 середняка, 7756 малоземельных дехкан, 5290 батраков, 322 рабочих, 165 чайрикеров и др. В сельсоветы вошли свыше 11 тыс. (50%) членов союза «Кошчи». В состав волисполкомов было избрано 1950 человек (из них 161 женщина), в том числе 742 коммуниста и 127 комсомольцев; малоземельных дехкан — 656, середняков — 574, батраков — 478, рабочих — 20 и т. д. Члены союза «Кошчи» составили около 44% депутатов волисполкомов⁸.

Перевыборная кампания 1925—1926 гг. значительно улучшила политическую обстановку в кишлаке, еще более сплотила трудовое дехканство вокруг Коммунистической партии и Советов. Наиболее преданные Советской власти бедняки, батраки и середняки были выдвинуты на ответственную работу в советские органы, что способствовало укреплению и улучшению деятельности местных Советов, приближению их к трудовым слоям сельского населения.

Июльский (1926 г.) Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) высоко оценил итоги перевыборной кампании. «Перевыборы Советов 1926 г., — указывалось в решении Пленума, — являются первой после окончания гражданской войны широкой и открытой избирательной кампанией. Впервые после гражданской войны выступили открыто при выборах Советов основные социальные группы избирателей города и деревни. При этом данные перевыборы Советов проходили в условиях все растущей активности трудящихся масс»⁹.

Следующим важным этапом в укреплении местных Советов Узбекистана явилась перевыборная кампания 1926—1927 гг.

Средазбюро ЦК ВКП(б) предложил решительнее вовлекать в выборные органы власти возросший и окрепший кишлачный и аульский актив, причем дальнейшую организацию бедноты во время выборов в Советы рекомендовалось вести через союз «Кошчи», еще более повысив его роль как организатора сельской бедноты¹⁰.

На многочисленных собраниях и митингах, посвященных перевыборной кампании, члены союзов «Кошчи» и «Рабземлес» поднимали важные вопросы, связанные с улучшением водопользования, расширением кооперативной сети, развитием народного образования, медицинского обслуживания населения кишлака и др.¹¹

Перевыборы местных Советов в 1926—1927 гг. проходили в обстановке усиления классовой борьбы с эксплуататорскими элементами, всячески пытавшимися повлиять на ход выборов, сорвать их либо протащить свою агентуру в Советы. Бедняки и батраки из союза «Кошчи» под руководством местных партийных организаций давали достойный отпор врагам Советской власти. В ходе избирательной кампании были лишены избирательных прав 33 тыс. баев, подкулачников, торговцев и прочих классово чуждых элементов¹².

В выборах 1926—1927 гг. приняли участие 778 117 сельских жителей республики, в том числе 171 378 членов союзов «Кошчи» и «Рабземлес»¹³. Всего в 1620 сельсоветов УзССР было избрано 31 806 депутатов, из них 19 088 членов союзов «Кошчи» и «Рабземлес». Среди

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 163, 224, 302.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1953, стр. 148—149.

¹⁰ Журн. «За партию». Орган Средазбюро ЦК ВКП(б), сентябрь 1927 г. № 1.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 302.

¹² Там же, д. 224, 241.

¹³ Там же.

вновь избранных депутатов было: бедняков и батраков — 67,5%, середняков — 21,1%, чайрикеров и других — 11,4%. В состав председателей сельсоветов было избрано: малоземельных дехкан — 45%, середняков — 28,9%, батраков — 12,3%, чайрикеров — 7,9% и т. д.¹⁴

В ходе перевыборов местных Советов заметно повысился уровень классовой сознательности трудящихся масс дехканства. Успех избирательной кампании был обеспечен широкой политико-воспитательной и агитационно-массовой работой в кишлаке, в которой активно участвовали члены союза «Кошчи». В состав местных Советов влились новые силы из лучших представителей дехканства — главным образом членов союзов «Кошчи» и «Рабземлес». Все это способствовало очищению, оздоровлению и улучшению деятельности советского аппарата на местах.

Важной вехой в дальнейшем укреплении местных Советов явились перевыборы Советов в 1928—1929 гг. Этот период отличался новыми успехами хозяйственного и культурного строительства, укреплением и расширением социалистического сектора в народном хозяйстве Узбекистана. Заметно повысилась и общественно-политическая активность трудящихся города и деревни, усиливавших натиск на капиталистические элементы.

Избирательная кампания 1928—1929 гг. прошла под знаком решительной борьбы за чистку советских органов от всех чуждых и примазавшихся элементов. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило всем партийным организациям республик Средней Азии специальное письмо, в котором говорилось: «Основная задача перевыборной кампании в Советы заключается в том, чтобы на основе дальнейшей активизации рабочих масс, укрепления бедняцко-середняцкого блока в кишлаке и ауле обеспечить дальнейшее форсированное развитие социалистических элементов хозяйства как в городе, так и в кишлаке и ауле, с усилением наступления на капиталистические элементы...»¹⁵

Как и в прежние годы, союзы «Кошчи» и «Рабземлес» деятельно включились в кампанию по перевыборам местных Советов УзССР. Члены союзов участвовали в составлении списков избирателей и лишенцев, в проведении собраний и митингов трудящихся дехкан, выдвижении кандидатов в депутаты Советов, разоблачали происки байско-кулацких элементов и т. д.¹⁶

В ходе перевыборной кампании еще более повысилась активность сельской бедноты и батрачества, особенно членов союза «Кошчи». В результате выборов состав сельских Советов обновился на 72,7%, а районных — на 60%. Местные Советы стали в основном батрацко-бедняцкими, причем среди их депутатов было не менее 45—50% членов союзов «Кошчи» и «Рабземлес»¹⁷. Обновление и улучшение социального состава местных Советов обеспечило успешное решение ими очередных задач хозяйственного, государственного и культурного строительства.

Таким образом, союз «Кошчи» вместе с другими общественными организациями трудящихся Узбекистана под руководством Коммунистической партии сыграл активную роль в укреплении и улучшении деятельности местных Советов УзССР, в организации широких масс трудового дехканства на борьбу за победу социализма в нашей стране.

¹⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 1, д. 1768; ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 224, 241.

¹⁵ За партию, 1929, № 5—6.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-245, оп. 1, д. 302.

¹⁷ За партию, 1929, № 5—6.

М. Давлатюсупов

**ЎЗБЕКИСТОНДАГИ МАҲАЛЛИЙ СОВЕТЛАРНИ МУСТАҲКАМЛАШДА
«ҚУШЧИ» ИТТИФОҚИНИНГ ҚАТНАШИШИ ҲАҚИДА
(1925—30 йиллар)**

Мақола Ўзбекистондаги меҳнаткаш деҳқонларнинг оммавий ташкилоти — «Қушчи» иттифоқини тузиш тарихига бағишланган. Шунингдек, мақолада Ўзбекистондаги маҳаллий Советлар фаолиятини мустаҳкамлаш ва яхшилашда «Қушчи» иттифоқининг республикадаги бошқа ижтимоий ташкилотлар билан биргаликда актив қатнашиши тўғрисида гапирилади.

М. С. БУЛАТОВ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АРХИТЕКТУРЫ МАВЗОЛЕЯ САМАНИДОВ¹

Мавзолей Саманидов в Бухаре, построенный в конце IX в. н. э., представляет собой выдающееся произведение архитектуры. в котором отразились эстетические идеалы древних зодчих Средней Азии, их высокое профессиональное мастерство и технические приемы строительства.

Говоря о генезисе архитектуры этого памятника, необходимо отметить, что все исследователи мавзолея сходятся на том, что истоки его архитектурных форм связаны с доисламским зодчеством². По этому поводу выдвигаются различные гипотезы: одни связывают его формы с архитектурой зороастрийских храмов огня, другие — с архитектурой погребальных сооружений; высказывается мнение о связи его генезиса с формами кешков-крепостей, прослеживается генетическая связь форм мавзолея с жилой архитектурой. Одни исследователи усматривают в истоках архитектуры мавзолея только местные согдийские традиции, а по мнению других, она является продуктом влияния зодчества сопредельных стран.

Опуская подробное изложение и критику этих гипотез, укажем лишь на необходимость дальнейших исследований проблемы генезиса архитектуры мавзолея Саманидов с расширением привлекаемых материалов, исторических сведений и анализа композиции самого памятника.

Назначение мавзолея как усыпальницы обусловило создание однокамерного квадратного помещения с трехступенчатой структурой интерьера: четверик, восьмерик и чаша купола. Надо полагать, что к моменту возведения мавзолея такая трактовка интерьера купольного здания прошла длительный путь развития и стала традиционной.

Архитектурно-конструктивный замысел строителей мавзолея, как видно, заключался в создании сооружения, представленного кубическим объемом и куполом, с одной стороны, и трехступенчатой конструктивной структурой перехода квадратного помещения к куполу через ярус парусов, — с другой.

¹ В порядке обсуждения.

² Мы сознательно опускаем описание памятника, ибо о нем имеются обширные публикации: Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация, М., 1926; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 35; Л. И. Ремпель, Мавзолей Измаила Саманида, журн. «Академия архитектуры», 1936, № 5, стр. 26; М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Гумбаз Манаса, М., 1950, стр. 99—100; В. Л. Воронина, К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXVII, 1954, стр. 45; Г. А. Пугаченкова, Архитектурный генезис мавзолея Саманидов, Общественные науки в Узбекистане, 1962, № 2, стр. 47—52.

Заимствованный из доисламских архитектурных образов мотив галереи, завершающей объем здания, повлек за собой устройство обходного коридора на уровне яруса парусов. Такой же коридор имелся и в храмах «Первопричины» сабейцев и в кешках-крепостях. Если бы даже обходные коридоры такого рода не были известны, то строителям мавзолея пришлось бы их придумать, поскольку сочетание двух различных в своей основе композиционных структур внешней архитектуры и внутреннего пространства было бы невозможным без устройства обходного коридора.

Только благодаря обходному коридору удалось полностью подчинить архитектурное членение верхней части куба идее композиции фасадов, а внутреннюю стену превратить в ограждение пространства восьмерика. Именно наличие такого коридора сделало возможным сочетание внутренней трехступенчатой структуры мавзолея — четверик, восьмерик и купол — с двумя наружными объемами — кубом (имеющим по верху галерею проемов) и куполом. Устройство обходного коридора позволило также сгладить явное несоответствие мелких световых проемов галереи с крупными арочными проемами восьмерика. Правда, это потребовало заполнения пристенных арок восьмерика ажурными решетками из кирпича и способствовало появлению шито-видного заполнения (толщиной 8 см) между нервюрами в угловых марузах.

Из сказанного следует вывод, что наличие обходного коридора в теле стены мавзолея Саманидов имело решающее значение в сочетании двух различных структур — композиций интерьера и внешней архитектуры.

Характерно, что в созданном через два столетия мавзолее султана Саиджара сочетание трехступенчатой структуры сооружения с внешним архитектурным образом, связанным с обязательным устройством завершающей аркатуры, также решается с обходным коридором, что позволило полностью подчинить замыслу фасада архитектурную трактовку объема.

Отказ от обходного коридора при решении той же архитектурной задачи приводит к иной трактовке фасада — полному отказу от системы проемов; арочная галерея по верху здания превращается в чисто декоративный элемент, ярким примером чему служит мавзолей Абу Саида в Меана.

Однако невольно возникает вопрос, в каких доисламских сооружениях имелась система световых проемов по периметру верха здания с обходным коридором, которая могла стать прообразом аналогичного элемента мавзолея Саманидов? Быть может, завершающая галерея с обходным коридором связана с традициями храмов «Первопричины» сабейцев?

Мы знаем, что до широкого распространения ислама на территории Средней Азии, наряду с зороастризмом, буддизмом, иудаизмом, христианством, бытовали и астральные верования³ и возводились соответствующие храмы. Так, Маъсуди, Димешки и Шахристанни утверждают, что еще в первые годы ислама в Мекке, Йемене, близ Исфа-

³ Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 361—362.

⁴ Храм, построенный идолопоклонниками — бермекидами в Балхе, о чем повествует Ибн Факиха, был подражанием храму Кааба в Мекке (см. Ибн Факиха, МИТТ, т. I, стр. 151) и, очевидно, был связан в какой-то степени с верованиями астрального культа, поскольку Кааба была храмом Сатурна, как это утверждают сами сабейцы. См. D. Chwoishon, Die Sabier und Sabismus, t. II, St.-Ptd, 1856, сообщение Маъсуди, стр. 383.

гана, в Индии, Балхе⁴, Фергане и даже в Китае существовали храмы, посвященные семи планетам, причем особо подчеркивается, что храм Солнца, построенный в столице Ферганы, был «удивительным сооружением»⁵. Имеются прямые указания источников о существовании храма Луны в Балхе (с идолом из чистого серебра) и храма Меркурия в Фергане (разрушенного халифом Мунтасиром в IX в.)⁶.

В те времена астрономия и астрология играли большую роль в жизни и деятельности человека. Звезды служили ориентирами купеческим караванам, затерянным в бескрайних степях; на звезды с надеждой взирал земледelec, ожидая начала весны. «Ведь те, для кого крышей служит (одно лишь) небо и кого не прикрывает ничто другое, над кем постоянно, в одном и том же порядке, восходят и заходят звезды, связывают с ними начало своих дел и знание времени»⁷.

Дни недели у согдийцев были посвящены семи известным в древности планетам, к числу которых относились Солнце и Луна⁸.

Во времена Бируни (XI в.) было распространено учение, «согласно которому земная жизнь, все явления и изменения на нашей планете обуславливаются деятельностью и влиянием небесных существ — звезд»⁹. Астральный культ оставил глубокий след в идеологии народов Средней Азии¹⁰.

Наши исследования позволяют утверждать, что на сложные формы мавзолея Саманидов оказали влияние и архитектурные традиции, обусловленные идеологией астрального культа.

На связь архитектурных форм исследуемого памятника и храмов сабейцев проливает свет сообщение Шамс-ад-дина ибн Абу Талeб Димешки: «... К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежит следующее — храм Первопричины, образующий круглую стену (цилиндр) и (купол), имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра. В верхней части 48 окон, в равном числе выходящие на восток и на запад. Восход солнца ежедневно виден в одном определенном окне и заход также в противоположном. Его свет проходит через окна в верхней части храма. То же происходит в полдень»¹¹.

Нам представляется, что генезис архитектурных форм мавзолея Саманидов, в частности завершающей галереи с ее обходным коридором, можно проследить в структуре храма «Первопричины» сабейцев,

⁴ Д. Хвольсон, указ. соч., стр. 650, 681.

⁵ Там же, стр. 394, 396.

⁷ Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I, стр. 259.

⁸ А. А. Фрейман, Согдийский рукописный документ астрологического содержания, Вестник древней истории, М., 1938, № 2(3), стр. 49.

⁹ В. Ю. Захидов, Бируни как мыслитель, сб. «Бируни», М.—Л., 1950, стр. 45.

¹⁰ Это убедительно показал на обширном материале А. М. Беленицкий (см. А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пнджикентских храмов, «Живопись древнего Пнджикента», М., 1954, стр. 27—82). См. также Фирдоуси, Шах-наме, М., 1957, стр. 377, 378; Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I; Мир Мухаммед Амини-Бухари, Убайдулла-наме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957; Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956 и др.

¹¹ Д. Хвольсон, указ. соч., стр. 381.

В тексте Димешки нет упоминаний о цилиндре, следовательно можно было допустить, что храм имел форму полушария, причем, с учетом размещения 48 окон на сферической поверхности, диаметр купола составил бы около 20 м. Но такая гипотеза вряд ли состоятельна, ибо для строительной техники V—VII вв. н. э. возведения куполов столь больших диаметров и устройство проемов на сферической поверхности было весьма трудным делом.

которую мы и попытаемся мысленно воссоздать по описаниям Димешки.

Общие размеры храма «Первопричины» могут быть определены, исходя из конструктивной возможности устройства 48 окон и простенков в стенах цилиндра. Надо полагать, что стены цилиндра были достаточно толстыми не только для того, чтобы нести нагрузку от купола, но и чтобы можно было устроить на уровне окон наблюдательную галерею — обходной коридор.

Из текста Димешки следует, что положение Солнца от восхода до заката фиксировалось через каждые полчаса отдельными окнами, расположенными по кругу, причем очевидно, что чем толще стена и чем уже окно, тем точнее фиксация положения светила. Экраном для фиксации положения Солнца служили пол и внутренняя стена обходного коридора. Следовательно, по функциональным соображениям наружные стены обходной галереи делались толстыми, световые проемы узкими, а внутренние стены, бывшие экраном, имели минимальную толщину¹². Если фиксация утреннего и вечернего солнечного луча на внутренней стенке коридора осуществлялась довольно просто, то значительно сложнее было фиксировать луч полуденного Солнца. Здесь требовалось устройство наклонных подоконников и наклонных перемычек под световыми проемами, чтобы луч полуденного Солнца мог фиксироваться на полу обходной галереи.

Приведенные соображения позволяют реконструировать обходную галерею храма «Первопричины» (рис. 1) с выявлением характерных

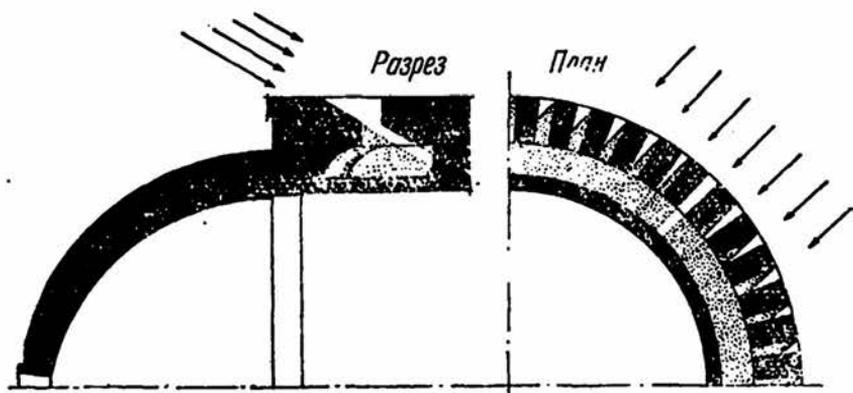

Рис. 1. Фрагменты реконструкции храма «Первопричины» сабейцев по Димешки.

особенностей ее элементов, логически вытекающих из непреложных фактов — описания Димешки, функциональной обусловленности наблюдательной галереи, фиксации положения светила через каждые полчаса.

Сопоставление данных реконструкции галереи храма «Первопричины» с формами мавзолея Саманидов проливает свет на возможную преемственность традиционных приемов, возникших из функциональной необходимости в архитектуре храма и сохранившихся, как пережиток, в архитектуре мавзолея.

¹² Зодчие, очевидно, стремились передать нагрузку от купола не только на тонкую внутреннюю, но и толстую внешнюю стену, для чего, вероятно, устраивались полусводы над обходным коридором.

Храм «Первопричины» по своим общим формам далек от мавзолея Саманидов — в первом случае цилиндр с куполом, во втором — куб. Однако их роднит наличие обходной галереи, которая в храме была функционально оправдана и служила для наблюдения за светилом, а в мавзолее представляла уже пережиточный момент, как это часто бывает в архитектуре.

Строители мавзолея не рассчитывали вести наблюдения за светилом и фиксировать положение Солнца через каждые полчаса, поэтому для них не имело значения число окон в галерее. Они стремились к воссозданию архитектурного мотива галереи, соблюдению единого ритма окон и простенков. Только этим и можно объяснить, что углы квадратного в плане мавзолея на уровне галереи закруглены, оконные проемы размещены в углах и выполнены коленчатыми — вопреки функциональной, конструктивной и планировочной логике, — лишь ради формы и соблюдения единого ритма по всему периметру верха сооружения (рис. 2), как это имело место в храме «Первопричины».

Исключительный интерес для нас представляет само устройство световых проемов галереи мавзолея Саманидов: относительно высокое (к уровню пола) расположение световых проемов, их крошечные размеры, напоминающие бойницы; наличие наклонных подоконников; уступчатые надоконные ниши снаружи здания (заменившие наклонные перемычки, о которых говорилось выше), обусловленные в храме «Первопричины» функциональной необходимостью, а в нашем памятнике сохранившиеся как пережиток.

Некоторые исследователи (в том числе и автор этих строк) отождествляли галерею мавзолея Саманидов с системой бойниц кешков-крепостей. Между тем, бойницы, устроенные для поражения врага на подступах к крепости, «смотрят вниз», тогда как окна мавзолея Саманидов, наоборот, направлены вверх, что хорошо читается на поперечном разрезе галереи (рис. 3).

При первом знакомстве с конструктивной схемой мавзолея (рис. 4) обращает внимание «конструктивная несуразица», заключающаяся в том, что стены восьмерика, несущие нагрузку от купола, сделаны тонкими — от 35 до 51 см (суммарная площадь сечения кирпичной кладки у пят арок яруса парусов равна $6,96 \text{ м}^2$), тогда как наружные стены коридора, на которые купол непосредственно не опирается, выполнены гораздо толще (суммарная площадь сечения простенков наружных стен составляет $20,6 \text{ м}^2$). Такое решение конструктивной схемы мавзолея оказалось результатом подражания уже бытовавшим конструктивным и планировочным приемам, вызванным к жизни функциональными требованиями архитектуры храмов «Первопричины».

Говоря о генезисе архитектуры мавзолея Саманидов, следует помнить также о тех архитектурно-тектонических системах, которые сло-

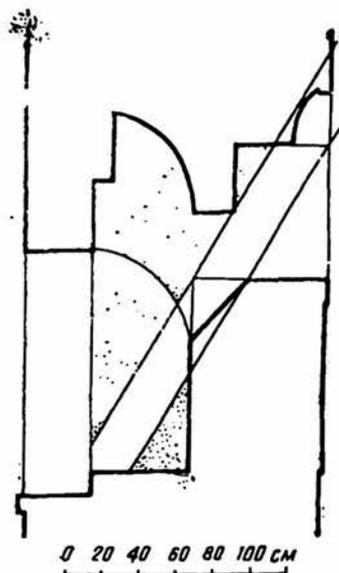

Рис. 2. Схемы устройства световых проемов храма «Первопричины» сабейцев и мавзолея Саманидов.

жились в местной строительной практике и в зодчестве сопредельных стран ко времени сооружения мавзолея. К ним принадлежали стеновая, сводчато-купольная, стоечно-арочная и стоечно-балочная системы¹³.

В композиции мавзолея Саманидов с исключительным мастерством, архитектурной логикой и художественным тактом использованы все перечисленные выше тектонические системы, причем ведущее значение принадлежит стеновой и сводчато-купольной; стоечно-арочная система занимает промежуточное положение, а стоечно-балочная тема носит сугубо «изобразительный» характер.

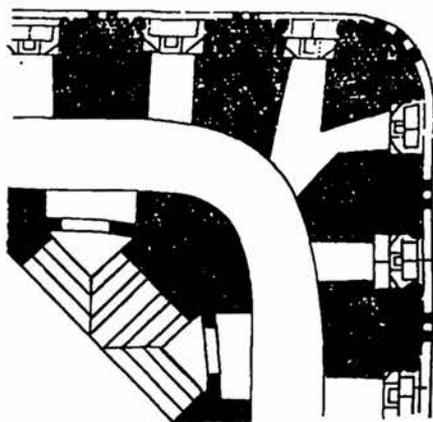
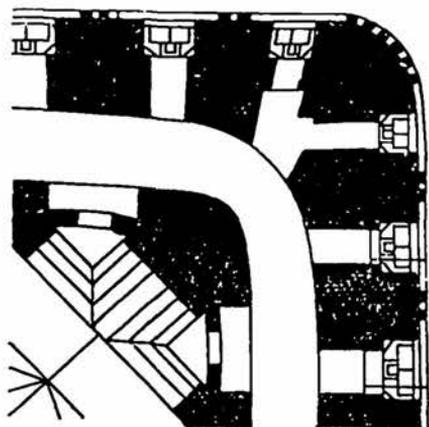

Рис. 3. Плав угла галереи мавзолея Саманидов.

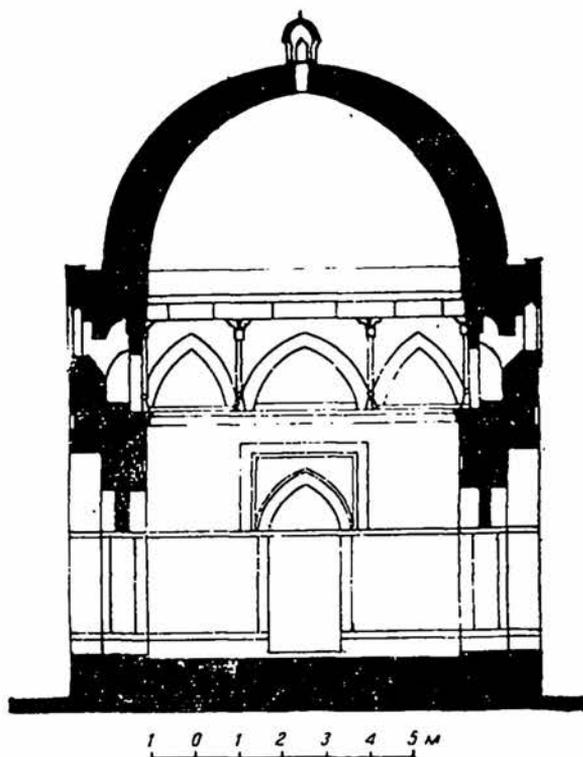

Рис. 4. Мавзолей Саманидов (разрез).

Истоками композиции мавзолея Саманидов могли быть и элементы архитектуры раннефеодальных кешков с галереями (обходным коридором для защитников крепости), зубцами-кунгра по верхнему периметру стен, глухими стенами, лишенными приемов по низу, за исключением входных ворот по оси композиции.

¹³ М. С. Булатов, К развитию каркасной системы в зодчестве Узбекистана. Научно-исследовательский институт по строительству Академии строительства и архитектуры СССР, Сборник научных трудов, вып. III, Ташкент, 1962, стр. 87.

Отдельные фрагменты композиции, в частности форма деревянных колонн по углам восьмерика, восходят к элементам каркасной архитектуры айванов, широко распространенных в древней Средней Азии. Тема плетенки в облицовке мавзолея связывает ее с формами, возникшими при использовании в зодчестве камыша и хвороста¹⁴.

Стилистический анализ архитектуры мавзолея Саманидов позволяет проследить генетическую связь с архитектурой сасанидского Ирана и аналогии в постройках Самарры в Месопотамии IX в.¹⁵

Наличие в мавзолее Саманидов архитектурного единства в применении нескольких тектонических систем, умелое использование мотивов жилой, оборонной и культовой архитектуры свидетельствуют о высоком развитии зодчества рассматриваемой эпохи.

Из сказанного следует, что истоки архитектуры мавзолея Саманидов не имеют единственной линии возникновения и развития. Она впитала в себя местные согдийские архитектурные традиции, сложившиеся в эпоху среднеазиатской античности и раннего феодализма, и достижения зодчества сопредельных стран, с которыми Средняя Азия издавна имела широкие культурно-экономические связи.

М. С. Булатов

СОМОНИЛАР МАҚБАРАСИ АРХИТЕКТУРАСИ ГЕНЕЗИСИГА ДОИР

Мақола Ўрта Осиё қадимги меъморчилигининг машҳур ёдгорлиги бўлган сомонилар мақбараси архитектурасининг генезисига бағишланган. Авторнинг кўрсатишича, мақбара архитектурасининг илдишлари бир йўлдан келиб чиқиб ривожланган эмас, балки маҳаллий архитектура традиция билан қўшни мамлакатлар меъморчилигининг ютуқлари асосида вужудга келгандир.

¹⁴ Л. И. Ремпель, Мавзолей Измаила Саманида, журн. «Академия архитектуры», 1936, № 5, стр. 28.

¹⁵ Б. П. Денике, Искусство Средней Азии, М., 1927, стр. 13; того же. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1938, стр. 10; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии, М., 1940, стр. 24—29.

Т. К. КАДЫРОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ХАРАКТЕРА ВОССТАНИЯ
ЮСУФА ал-БАРМА (VIII ВЕК)

Восстание Юсуфа ал-Барма до сих пор еще не было предметом специального исследования. Сведения источников об этом движении крайне скудны и подчас противоречивы. Табари¹, Якуби², Ибн Рустэ³. Гардизи, Ибн ал-Асир и другие авторы не говорят о причинах восстания, что затрудняет определение его характера и целей.

В. В. Бартольд первым обратил внимание на восстание Юсуфа ал-Барма, суммировал ценные сведения первоисточников об этом движении и уделил ему несколько строк в своем капитальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Согласно В. В. Бартольду, «около 160 г. х. (776—777 гг.) произвел восстание в Бухаре хариджит Юсуф ал-Барм, клиент племени сакафитов: восстание было поднято во имя предписаний ислама»⁴.

Однако данные источников несколько противоречат приведенному выше утверждению В. В. Бартольда.

Определенную ясность в изучение характера этого движения вносят сведения Ибн ал-Асира⁵, который вначале характеризует Юсуфа ал-Барма как хариджита, а затем добавляет: «Еще рассказывают, что (Юсуф) был хуррамдинцем».

¹ Табари, арабский текст, Annales que scripsit Abu-Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, secunda series, III, edit. M. J. de Goeje, L.-Bataworum, 1879—1901, стр. 470—471, 563—565.

² Якуби, арабский текст, Ibn Wadhiih dicitur al-Jaqubi, Historiae, edit. H. Tornberg, L.-Bataworum, 1883, стр. 477—479.

³ Ибн Рустэ, арабский текст, Kitab al-A'lak an-Nafisa, VII, Auctore Abu-Ali Ahmed ibn Omar ibn Rusteh, L.-Bataworum, BGA, VIII, 1892, стр. 303—304.

⁴ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1901, стр. 203. Называя Юсуфа ал-Барма хариджитом, В. В. Бартольд основывается на сведениях Табари (см. Табари, стр. 563—565), согласно которым, Юсуф был клиентом дома Хусейна, выдававшего себя за потомка халифа Али и выступавшего однажды в Мекке, призывая мусульман к соблюдению предписаний корана и сунны. Из рассказа Табари не видно непосредственного участия в этом деле Юсуфа ал-Барма, но поскольку он был клиентом Хусейна, предполагалась и его причастность к движению. Очевидно, поэтому В. В. Бартольд и назвал его хариджитом.

Иранский историк Али Акбар Фаяз, упоминая Юсуфа ибн Ибрахима, отмечает, что его прозвали ал-Бармом («скупым, завистником»), и указывает, что «он восстал в Хорасане против халифа Махди, критикуя его образ жизни».

در تاريخ اسلام طهران سنة ۱۳۳۵ صحيفه ۲۱۱

⁵ Ибн ал-Асир, VI, стр. 17. الجزء السادس من تاريخ الكامل للعلامة
ابى الحسن على بن ابى الكرم محمد السيبانى المعروف بابن الاثير
الجزرى بالمطبعة الازهرية المصرية سنة ۱۳۰۱ هجرية ص. ۱۸

Сравнивая отрывочные и противоречивые сведения Табари, Якуби, Гардизи, Ибн Рустэ и Ибн ал-Асира, можно прийти к заключению, что восстание Юсуфа ал-Барма имело два этапа.

По-видимому, Юсуф ал-Барм вначале выступил в Сеистане, где имел успех в Бушендже и проповедовал хариджитскую идеологию. Это видно из слов Ибн ал-Асира о том, что Юсуф ал-Барм, как и все хариджиты, осуждал образ жизни халифа Махди и призывал народ к борьбе против него. Но вскоре он был разбит войсками владетеля Бушенджа Мусъаба ибн Разика (деда основателя династии Тахиридов — Тахир ибн ал-Хусейна) и обратился в бегство⁶.

Ибн ал-Асир не сообщает, куда бежал Юсуф ал-Барм. Надо полагать, что он направился в сторону Мавераннахра, подобно хариджиту Харису ибн Сурейджу, надеясь найти там поддержку для продолжения своей борьбы. Очевидно, это было в то время, когда в Бухаре усиливалось движение последователей Муканны.

Только в этом случае становятся понятными сведения Якуби о том, что «Хорасан пришел в сотрясение, когда усилилось движение в Согде, Фергане и восстал Юсуф ал-Барм в Бухаре, а он человек из клиентов (мавали) [племени] сакифитов. Он призывал делать одобряемое и запрещал отрицаемое и последовал за ним в этом народ из людей, враждующих с властью»⁷.

Из слов Якуби можно понять, что Юсуф ал-Барм нашел себе последователей в Бухаре среди «сражающихся с властью». Возможно, что он получил поддержку у вождей восставших, а затем перешел Аму-Дарью, чтобы продолжать борьбу с правителями Хорасана⁸.

Поэтому Ибн ал-Асир указывает, что Юсуф вновь восстал и победил уже в Мерваруде, Таликане и Джузджане⁹. К этому времени можно отнести и сведения Табари о происходившем в 160 (776/7) г. х. восстании Юсуфа ибн Ибрахима, по прозвищу Юсуф ал-Барм. Табари считал его «мункиром» («непризнающим») ¹⁰. Это показывает, что Юсуф, будучи в Бухаре, очевидно под влиянием бухарских сапиджамаганов, изменил свои взгляды, отказался от хариджитства и принял идеологию хуррамидцев.

Еще Гардизи¹¹ и Ибн Рустэ¹² называли Юсуфа, восставшего в Хорасане при наместнике Хумейде ибн Кахтабе и захватившего Таликан, Бамган и Фарьяб, хуррамитом.

⁶ Ибн ал-Асир, т. V, стр. 17.

⁷ Якуби, История, II, стр. 478—479; ср. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 203.

واضطربت خراسان تخربت السغد و فرغانه و خرج يوسف البرم و هو رجل من موالي ثقيف ببحارا يدعو الامر بالمعروف و النهي عن المنكر فاتبعه على ذلك حلف من الناس محارب السلطان.

⁸ К сожалению, у нас нет прямых указаний о том, что Юсуф ал-Барм был отправлен сархангами (военачальниками) восставших бухарцев на борьбу с правителями Хорасана, хотя это вполне вероятно, ибо в книге Балъами говорится, что вождь восставших Муканна направлял в разные стороны своих людей для организации борьбы недовольных масс против арабских правителей. Однако в доступных нам источниках нет сведений о наличии прямых связей ал-Барма с Муканной.

⁹ Ибн ал-Асир, т. V, стр. 17.

¹⁰ Табари, стр. 470—471. ممن ذلك ماكان خروج يوسف بن ابراهيم
 Термин „мункир“, встречающийся в арабоязычных источниках, означает группу (секту) людей, не признающих предисания ислама.

¹¹ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 209, прим. 8.

¹² Ибн Рустэ, стр. 303—304.

Таким образом, согласно Табари, Юсуф ал-Барм вторично восстал в Хорасане в 776/7 г., причем его второе выступление совпало с началом восстания Муканны¹³.

Известно, что в 776—786 гг. н. э. восстанием Муканны был охвачен весь Мавераннахр. Очагом движения стало селение Наршах в окрестностях Бухары. Выходец из этого селения, известный бухарский историк Х в. Мухаммед Наршахи красочно описал ожесточенные схватки восставших с арабами и находившимися у них на службе местными дехканами. Наршахи отмечает, что восстание в Наршахе возглавили военачальники (сарханги) Муканны — Хишри, Баги и Гирдак¹⁴.

М. Наршахи называет участников восстания 776/7 г. в областях Бухары сапиджамаганами. «Их секта такова, что они не молятся, не держат пост в месяце рамазане..., но никому не причиняют вреда, а все свои обычаи хранят в тайне от мусульман и притворяются мусульманами»¹⁵.

«Весьма характерно,— писал А. Ю. Якубовский,— что с зиндиками сближал ал-Макдиси и людей в белых одеждах, которые, как мы увидим ниже, в огромном большинстве своем были маздакитами»¹⁶. Балъами отмечает, что «ттецы корана» (اهل كلام) называют этих зиндиков «ботилон» (باطلان — джецы) или «дахриён» (دهريان — материалисты, или атеисты). Дахриёнами зовут их потому, что секта зиндиков, как писал Балъами, «хуже всех религиозных сект, ибо она не признает ни бога, ни пророка. Они говорят, этот мир (бытие) был и будет, люди, подобно растениям, прибывают и убывают. Они считают дозволенными матерей и дочерей в своей среде. Однако они утверждают, что неправильно лгать, притеснять, делать зло, насилия в глазах благоразумных. Это их правило!»¹⁸

Как видно, встречающиеся в источниках термины «мункир» («непризнающий»), «батиниты» («скрытые»), «ботилоп» («лжецы»), «дахриён» («атеисты»), «занодика», «маздакнион» и «сапиджамаган» обозначали группу (секту) людей, религиозные убеждения которых в основном восходили к маздакизму.

В VIII—IX вв. в Хорасане, Северном Иране (как, впрочем, и в других районах Ирана) маздакиты выступали под именем хурремдинов, хуррамитов¹⁹, «мухаммирэ»²⁰ и «сурхалем»²¹.

Отсюда можно сделать вывод, что в изучаемый период маздакиты, приспособляясь к новой исторической обстановке, с учетом местных традиций, изменили внешние формы своего движения и скрывались под религиозной оболочкой «мусульман». Это ясно видно из следую-

¹³ А. Ю. Якубовский, указ. соч.; С. Айнаи, Исёни Муқанна, 1941; ср. Р. Набиев, Муканна кузгалони, Ташкент, 1942. В указанных работах подробно освещена социально-экономическая и политическая обстановка в Хорасане и Мавераннахре VIII в. Поэтому мы не останавливаемся на этом вопросе, ибо считаем движение Юсуфа ал-Барма частью грандиозного восстания народов Средней Азии под руководством Муканны.

¹⁴ М. Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 90—96.

¹⁵ Там же.

¹⁶ А. Ю. Якубовский, указ. соч., стр. 41.

¹⁷ Балъами, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 60956.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Ю. Якубовский, указ. соч., стр. 41.

²⁰ Снасет-нам, книга о правлении везира XI столетия Нязам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 205—224.

²¹ «Краснознаменщик» (перс.). См. там же.

щих слов Низам ал-Мулька: «Хуррамдинцы и батиниты близки друг к другу, они постоянно стремятся к тому, чтобы каким бы то ни было образом уничтожить ислам. Эти еретики внешне показывают любовь к семейству пророка — мир над ним! — дабы уловлять людей, когда же забирают силу, прибирают людей к рукам, то стремятся уничтожить божеский закон. Они — враги семейства пророка»²².

В другом месте Низам ал-Мульк писал: «Когда ни восставали хуррамдинцы, батиниты были с ними заодно, помогали им, так как корень обеих вер один и тот же. В сто шестьдесят втором году, во времена халифа Махди, батиниты Гургана, которых называют мухамми-рэ («красные знамена». — Т. К.), объединились с хуррамдинцами. Они говорили: Бу-Муслим — жив! Захватим царство! Они поставили своим представителем Абу-л-Гарри, его сына, двинулись на Рей. Они не различали между дозволенным и недозволенным, сделали жен общими»²³.

Якуби особо подчеркивает, что Юсуф ал-Барм сражался с Йезидом ибн Мазидом под красным знаменем. Как отмечает А. Ю. Якубовский, «едва ли это не первый случай в мировой истории упоминания в столь раннее время красного цвета и даже красного знамени, как символа народного восстания, участники которого были готовы ради освобождения пролить свою кровь»²⁴.

Все это показывает, что восстание Юсуфа ал-Барма на втором своем этапе (с 776/7 г.) носило не религиозно-сектантский (хариджитский), а антиисламский характер.

К сожалению, трудно сказать, какую именно территорию охватывало это восстание и поддерживали ли его участники какие-либо местные связи с сапиджамаганами Бухары.

«Военные действия,— писал В. В. Бартольд,— судя по рассказу Гардизи, происходили главным образом в северо-западной части Афганистана, так как Юсуф ал-Барм овладел Мерварудом, Таликаном и Гузганом»²⁵.

Узнав об успехах Юсуфа ал-Барма, халиф Махди приказал правителю Сеистана Йезиду ибн Мазиду выступить против ал-Барма²⁶. В то время Йезид ибн Мазид, как отмечает Якуби, воевал с хариджитом Яхьей аш-Шари²⁷. Получив письмо халифа, Йезид в начале 161 (777/8) г. х. выступил из Сеистана, оставив там своего сына Фаяза²⁸.

Между отрядами Йезида и повстанцами Юсуфа ал-Барма произошло несколько сражений. Наконец, Йезиду удалось одержать верх, он захватил в плен Юсуфа ал-Барма и многих его сподвижников и отправил их в Багдад, ко двору халифа²⁹.

²² Сиасет-намэ, стр. 229.

²³ Там же, стр. 224.

²⁴ А. Ю. Якубовский, указ. соч., стр. 41.

²⁵ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 203, прим. 8. Здесь приводится следующий текст Гардизи из Оксфордской рукописи (л. 91): *يوسف ثعفي حروري بيرون* (л. 91): *أمله بوداندر زوزگار حميد حكم طالقاني بومعاني و فارياني باوى و پوشنك*. Характерно, что когда хариджит Харис ибн Сурейдж в 734 г. вторично восстал в Хорасане, то, перейдя Амударью, он захватил именно эти области. (См. нашу статью в журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 6, стр. 41—45).

²⁶ Йезид ибн Мазид — правитель Сеистана в 770, 777—778 гг. (История Сеистана, изд. Бехар, Тегеран, 1314 г. х. солн., стр. 149—150).

²⁷ Якуби, История, II, стр. 478—479.

²⁸ История Сеистана, стр. 140, 144, 148; см. также Ибн Рустэ, стр. 285—286.

²⁹ Якуби, История, II, стр. 479, ср. ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 824, л. 612а—612б; добавлено: «Мазид отправил их на верблюдах. Посадил их всех лицом к хвосту верблюда».

Якуби рассказывает, что Юсуф ал-Барм весьма грубо отвечал на вопросы халифа, и последний передал его в руки арабского полковника Харсама ибн Аюна, брат которого был убит ал-Бармом во время восстания в Хорасане. Теперь Харсам мог отомстить Юсуфу за смерть брата.

Согласно Табари³⁰, Юсуф был убит и распят. Якуби утверждает, что Махди приказал отрубить ему голову и распять (на кресте)³¹. Ибн Рустэ говорит, что Махди приказал сначала отрезать Юсуфу обе руки, потом обе ноги, а затем голову³².

Так погиб Юсуф ал-Барм, поднявший знамя восстания против власти аббасидского халифа Махди.

Историки не сообщают, где и когда было подавлено восстание Юсуфа ал-Барма, но они единогласно пишут о суровой расправе с его участниками. Несмотря на жестокое подавление этого и других восстаний угнетенных масс, народы, изнывавшие под властью арабского халифата, продолжали упорную борьбу против чужеземных завоевателей вплоть до окончательного падения халифата.

Т. Қ. Қадирова

**ЮСУФ АЛ-БАРМ ҚҰЗҒОЛОННИНГ ХАРАКТЕРИ МАСАЛАСИГА
ДОИР (VIII АСР)**

Мақолада ҳар хил манбалардан олинган далиллар асосида кам ўрганилган Юсуф ал-Барм қўзғолонинг (VIII аср охири) бориши ва характери, бу қўзғолон Урта Осиё халқларининг араб халифалиги зулмига қарши олиб борган курашининг бир қисми эканлиги кўрсатилади.

³⁰ Табари, стр. 471.

³¹ Якуби, История, II, стр. 473.

³² Ибн Рустэ, стр. 303—304.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда проявляли и проявляют огромную заботу о развитии технического творчества трудящихся. Широкое развитие массового изобретательства и рационализаторского движения приобретает особое значение на современном этапе развернутого строительства коммунизма, когда всемерное ускорение научно-технического прогресса стало важнейшей общенародной задачей.

В растущем движении рационализаторов и изобретателей активно участвуют и труженики Советского Узбекистана. Состоявшийся в августе 1963 г. первый съезд Общества изобретателей и рационализаторов Узбекистана подвел итоги работы изобретателей и рационализаторов республики за четыре с половиной года семилетки. За это время внедрено в производство 98 тыс. предложений, направленных на улучшение технологии производства, повышение качества продукции, снижение ее себестоимости, рост производительности труда. Экономический эффект от внедрения этих предложений превысил 100 млн. руб. (в новом масштабе цен). Число участвующих в изобретательской работе достигло почти 100 тыс. человек. Изобретатели и рационализаторы Узбекистана стремятся дать за 6 лет семилетки 150 млн. руб. экономии.

Успешное развитие изобретательской и рационализаторской работы во многом зависит от умелого материального и морального стимулирования рационализаторов и изобретателей. И в этом деле первостепенную роль играет дальнейшее совершенствование норм изобретательского права.

История развития советского изобретательского права фактически берет свое начало с создания по инициативе В. И. Ленина Комитета по делам изобретений при ВСНХ РСФСР.

Для руководства изобретательской работой в Советском Туркестане декретом ЦИК Советов ТАССР от 18 декабря 1918 г. при Центральном Совете народного хозяйства Туркеспублики был создан Отдел изобретательства и технических

усовершенствований, подчиненный также Комитету по делам изобретений ВСНХ РСФСР¹.

В целях широкого привлечения рабочих к изобретательской деятельности ЦСНХ ТАССР в апреле 1919 г. обратился к трудящимся республики со следующим призывом: «... Будучи владельцем орудий производства, рабочий класс должен не только управлять и направлять, но и создавать... Отдел изысканий Совнархоза открывает в этом отношении Вам обширное поле деятельности. Несите ваши думы, мысли, проекты в Совнархоз, он в этом отношении пойдет навстречу как средствами, так и материалами»².

В результате проведенных мероприятий в Отдел изобретательства Совнархоза ТАССР стали поступать предложения с описаниями, чертежами и моделями, причем некоторые из них имели существенное народнохозяйственное значение.

Для большего вовлечения рабочих, служащих, работников науки, техники, сельского хозяйства в изобретательскую работу требовалось повысить их материальную заинтересованность. Этот вопрос обсуждался на II съезде Компартии Туркестана (июнь 1919 г.), где было предложено осуществить «наиболее экономное использование всех материальных сил края, установление поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда, экономии материалов, изобретательство и т. д.»³.

ЦСНХ Туркеспублики 3 апреля 1919 г. утвердил правила о премировании за изобретения и технические усовершенствования. Премии выдавались Отделом изобретений (с последующим утверждением Президиумом ЦСНХ) не только за законченные изобретения, но и за усовершен-

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 231, л. 22.

² ЦГА УзССР, ф. Р-137, оп. 1, д. 71, л. 25 (типографский оттиск).

³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 39, л. 28.

ствования конструкций существующего оборудования⁴.

Важной вехой в развитии изобретательства в нашей стране явился подписанный В. И. Лениным декрет СНК РСФСР от 30 июня 1919 г., утвердивший «Положение об изобретениях»⁵.

На территории нынешнего Узбекистана законодательные акты РСФСР вводились в действие по особым постановлениям ТуркЦИК и СНК республики с учетом специфики местных условий⁶. Такой порядок действовал и в области изобретательского права. По «Положению» все изобретения подлежали рассмотрению в Комитете по делам изобретений в Москве. Однако дальность расстояния и местные условия республики препятствовали своевременной отправке изобретательских предложений в центр, и по ходатайству Турксовнархоза его отделу изобретений и усовершенствований были предоставлены права местного отделения Комитета по делам изобретений.

На Туркестанское отделение возлагалась главным образом организация изобретательского дела и помощь местным изобретателям. Отдел изобретений выдавал авторам временные расписки в получении материалов по изобретению с последующей переправкой их в Москву. Выдачей же авторских вознаграждений занимался Комитет по делам изобретений.

Материальному поощрению новаторов производства придавалось важное значение. Так, 20 февраля 1920 г. ЦСНХ ТАССР принял временное «Положение о вознаграждении новаторов производства и о создании комиссии по делам изобретений при Отделе изобретений». «Положением» предусматривалась выдача вознаграждений за технические предложения, отличающиеся новизной, полезностью и осуществимостью в местных условиях. Для принятия предложения требовалось предварительное заключение специалиста по соответствующей отрасли техники⁷.

В целях широкого привлечения изобретателей, в том числе иностранцев, и регулирования изобретательских отношений в условиях новой экономической политики 12 сентября 1924 г. было введено в действие постановление ЦИК и СНК СССР «О патентах на изобретения»⁸.

На основании п. 26 этого постановления в целях учета и отбора особо ценных изобретений и оказания помощи мест-

ным изобретателям путем инструктирования и оформления их авторских прав при ВСНХ УзССР было организовано «Бюро изобретений», подчиненное Президиуму ВСНХ УзССР¹⁰.

В развитии массового изобретательства важную роль сыграли нормативные акты, принятые в период индустриализации страны, в том числе Постановление СНК УзССР от 27 ноября 1928 г. «О мероприятиях по содействию изобретательству»¹¹.

Новым этапом в развитии изобретательского права явился общесоюзный закон от 9 апреля 1931 г. «Об изобретениях и технических усовершенствованиях»¹², введенный без изменений на территории Узбекистана постановлением СНК УзССР от 23 августа 1931 г. Этим законом впервые в нашей стране стали регулироваться отношения, возникающие на основе технических усовершенствований, а также были сведены две системы оформления изобретательских прав — авторское свидетельство и патент.

Постановлением СНК УзССР от 23 августа 1931 г. было упразднено Центральное бюро изобретателей и содействия изобретательству (ЦБРИЗ) при ВСНХ УзССР¹³ и созданы органы содействия изобретательству (БРИЗы) в народных комиссариатах и на предприятиях республики¹⁴. Эти органы оказывали новаторам всяческую помощь и способствовали ускорению технического прогресса.

В годы довоенных пятилеток движение рационализаторов и изобретателей в Узбекистане, как и в других союзных республиках, получает все более широкий размах. Только в 1935 г. на 47 предприятиях УзССР было внесено 1854 рационализаторских предложения, из них реализовано 891 с экономическим эффектом 8 млн. руб.¹⁵ В 1937 г. второй Пленум Узбекского Совета общества изобретателей принял социалистическое обязательство —

¹⁰ Циркуляры ВСНХ Уз и Узсовпрофа от 27 февраля 1930 г. «Об усилении деятельности органов по изобретательству»; Постановление Президиума Узсовпрофа от 18 декабря 1930 г. «О развитии изобретательства и рационализаторской работы на предприятиях республики» и др.

¹¹ СУ УзССР, 1928, № 45.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-737, оп. 1, д. 106, л. 23.

¹³ Положение о ЦБРИЗе было утверждено СНК УзССР 21 мая 1929 г. для руководства изобретательской работой, реализации изобретений и технических усовершенствований и оказания изобретателям материальной и моральной поддержки. СУ УзССР, 1929, № 71, ст. 419.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-89, оп. 1, д. 1407, л. 2.

¹⁵ Ш. Н. Ульмасбаев, Промышленное развитие Советского Узбекистана. Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, стр. 121.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 31 л. 23.

⁵ СУ РСФСР, 1919, № 31, стр. 400.

⁶ Конституция Туркестанской республики, принятая VI съездом Советов Туркестанской республики от 15 октября 1918 г., гл. 7, п. 8.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 231, л. 74.

⁸ Там же, л. 7.

⁹ СЗ СССР, 1924, № 9, ст. 98.

получить за год от внедрения рационализаторских предложений 20 млн. руб. экономии.

Успехи строительства социализма в нашей стране вызвали необходимость дальнейшего совершенствования и развития советского изобретательского права. В этой связи Совнарком СССР 5 марта 1941 г. утвердил новое «Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях»¹⁶. «Положением» предусматривался либо административный порядок рассмотрения споров, связанных с изобретательством (споры о новизне, о размерах вознаграждения), либо судебный, исковой порядок (по некоторым вопросам). Однако в «Положении» имелись отдельные пробелы; в частности, не была четко определена граница между техническим усовершенствованием и рационализаторским предложением, что вело к многочисленным спорам и недоразумениям.

В разгар Великой Отечественной войны, 27 ноября 1942 г., СНК СССР утвердил новую «Инструкцию о вознаграждении за изобретения и технические усовершенствования»¹⁷.

Как «Положение», так и «Инструкция» сыграли важную роль в материальном и моральном стимулировании рационализаторской и изобретательской мысли, а также в охране прав новаторов производства в годы войны и в послевоенный период.

В условиях полного и окончательного завершения строительства социализма в СССР и перехода к развернутому строи-

тельству коммунизма «Положение» 1941 г. уже перестало отвечать требованиям новой обстановки и должным образом стимулировать ускорение темпов технического прогресса. Поэтому 24 апреля 1959 г. было принято новое Положение «Об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», действующее и в настоящее время. «Положение» содержит ряд новых норм, направленных на развитие массового изобретательства и рационализаторства. В нем уточнены границы между изобретением и рационализаторским предложением, по-новому определен порядок планирования и внедрения их в производство, формы оказания помощи в оформлении новаторских предложений, участия общественных организаций в охране прав и интересов изобретателей и рационализаторов, порядок административного и судебного разбирательства жалоб новаторов и др.

Надо сказать, что и в этом Положении имеется ряд пробелов и недостатков, о чем уже говорилось в юридической литературе и периодической печати. Поэтому нормы советского изобретательского права должны и впредь совершенствоваться в соответствии с требованиями Программы КПСС о необходимости всемерного стимулирования массового изобретательства и рационализаторского движения в целях максимального ускорения научно-технического прогресса в период развернутого строительства коммунизма в СССР.

iii. Шахраметов

О РАБОТЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЙ В КРАСНОВОСТОЧНЫХ МАСТЕРСКИХ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1925—1929 ГОДАХ

Коммунистическая партия требует от работников общественных наук глубокого изучения и теоретического обобщения практики строительства социализма и коммунизма, победоносного, проверенного жизнью исторического опыта Коммунистической партии и советского народа. В этой связи представляет большой интерес изучение истории массовых общественных организаций, призванных повышать творческую активность трудящихся, всемерно вовлекать их в управление государством, народным хозяйством, всеми делами общества.

Одной из общественных организаций трудящихся, возникших в первые годы Советской власти, были производственные комиссии и производственные совещания, широкая сеть которых была создана по всей стране, в том числе и на предприятиях Узбекистана.

В истории возникновения производственных совещаний и превращения их в массовые организации рабочего класса большую роль сыграли такие важные документы, как циркулярное письмо ВЦСПС и ВСНХ от 22 ноября 1923 г. ко всем профсоюзным и хозяйственным организациям об экономической работе; резолюция Исполбюро ЦК РКП(б) от 24 декабря 1923 г. «Об очередных задачах экономической политики»; письмо ЦК партии от 24 января 1924 г. «О привлечении ячеек и фабрично-заводских комитетов к участию в производственной работе предприятий». В этих указаниях партии и правительства о привлечении рабочих в управление производством и о задачах производственной работы фабзавкомов и партийных ячеек еще не говорилось прямо о производственных совещаниях, но на практике эти указания претворялись в жизнь именно в форме создания производственных совещаний.

В Узбекистане до 1926 г. производственные совещания создавались лишь на

¹⁶ СП СССР, 1941, № 9, ст. 150.

¹⁷ СИ СССР, 1942, № 10, ст. 178.

отдельных, наиболее крупных предприятиях. Несколько раньше возникли производственные комиссии, получившие довольно широкое распространение уже в первой половине 1925 г. В частности, в январе 1925 г. начала работать производственная комиссия при Красновосточных мастерских Среднеазиатской железной дороги (ныне завод им. Октябрьской революции)¹.

На первых порах производственные комиссии и совещания занимались главным образом текущими вопросами. Они не имели еще четкой структуры и необходимого опыта работы. Например, состав производственной комиссии Красновосточных мастерских колебался от 8—10 до 14 человек. Она действовала фактически в отрыве от фабрично-заводского комитета². В состав комиссии не входили представители администрации, молодежи и рабочие местных национальностей³. В работе комиссии слабо участвовал инженерно-технический персонал предприятия.

В среднем на каждом заседании производственной комиссии рассматривалось до 40 вопросов и более, причем обсуждение их проводилось без всякого плана и предварительной подготовки⁴. В результате комиссия нередко принимала поверхностные, формальные решения, как например: «считать ремонт паровозов правильным», «принять к сведению и иметь в виду, что удешевление себестоимости дает возможность увеличить зарплату» и т. д.⁵

Производственная комиссия слабо контролировала выполнение своих решений, не имела тесного контакта с администрацией, другими общественными организациями и рабочими массами⁶.

Подобные недостатки были характерны тогда для производственных комиссий и совещаний многих предприятий. Поэтому Коммунистическая партия уделяла большое внимание улучшению деятельности производственных совещаний, повышению их роли в борьбе за восстановление и развитие социалистической промышленности, за подъем творческой активности рабочих масс.

Значительному расширению сети производственных комиссий и совещаний и улучшению их деятельности во многом способствовало принятое в мае 1925 г. Постановление ЦК РКП(б) «О работе производственных совещаний и производственных конференций». Большое внимание

работе производственных совещаний уделял XIV съезд партии (декабрь 1925 г.). В резолюции «О работе профсоюзов» съезд особо подчеркнул важную роль производственных совещаний в воспитании рабочих масс и развитии их творческой инициативы.

Партийные организации Узбекистана, руководствуясь указаниями XIV съезда партии, проделали значительную работу по улучшению руководства производственными комиссиями и совещаниями и повышению их активности в решении важнейших производственных задач. Заметно улучшилась и работа производственных комиссий и совещаний в Красновосточных мастерских. В июле 1925 г. здесь действовало уже 11 цеховых комиссий⁷. Они выявляли «узкие места» производства и способствовали их устранению, действовали на обновление оборудования предприятия, улучшению организации производственных процессов, повышению трудовой активности рабочих, росту производительности труда. К лету 1925 г. производственными совещаниями было охвачено до 300—400 человек, или около 1/3 всех рабочих предприятия⁸.

В 1926—1927 гг. происходит дальнейшее улучшение деятельности производственных комиссий и совещаний. Они стали более регулярно и в плановом порядке решать актуальные вопросы производства, внимательно прислушиваясь к предложениям рабочих⁹. Всего за 1926—1927 гг. на производственных совещаниях в мастерских было рассмотрено 250 предложений, из них более половины внедрено в производство¹⁰.

На XV съезде партии работа производственных совещаний на предприятиях страны в 1926—1927 гг. была охарактеризована следующим образом: «Производственные совещания, с одной стороны, отражают на себе повышенный интерес рабочих к вопросам строительства, к делу рационализации промышленности и, с другой стороны, они сумели за это время своей деловой работой завоевать себе прочное положение на предприятиях, и хозяйственники больше, чем когда бы то ни было, уделяют внимание их работе, их решениям». «Первый этап работы ПС—обсуждение и устранение самых насущных недостатков — в основном почти закончен»¹¹.

Большое место в работе производственных совещаний занимала борьба за со-

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-737, оп. 1, д. 45, л. 4.

² Там же.

³ Там же, ф. Р-829, оп. 1, д. 29, л. 120.

⁴ Там же, ф. Р-736, оп. 1, д. 45, л. 5.

⁵ Журн. «Предприятие», 1926, № 1, стр. 89.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-829, оп. 1, д. 29, л. 123.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-736, оп. 1, д. 159, л. 21.

⁸ Там же, ф. Р-737, оп. 1, д. 45, л. 6—7.

⁹ Правда Востока, 11 сентября 1927 г.

¹⁰ Предприятие, 1924, № 9, стр. 11—12.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1953, стр. 98—99.

блюдене режима экономии. Призыв Коммунистической партии к проведению стройшей экономии нашел горячий отклик в рабочих массах. Рабочие Красновосточных мастерских также искали и находили пути сбережения сырья, материалов и денежных средств, вносили предложения по уменьшению накладных расходов, сокращению штатов и т. д.

Реализация внесенных рабочими предложений позволила, например, по паровозному цеху только в июле-августе 1926 г. сэкономить 3348 руб., по вагонному цеху — 4077 руб., по колесному — 2366 руб., а всего по Красновосточным мастерским — 15 028 руб.¹² В сентябре 1926 г. на предприятии было сэкономлено свыше 35 251 руб.

В конце 1927 г. в мастерских была создана Временная контрольная комиссия¹³, которая выявила ряд недостатков в производстве и внесла практические предложения по улучшению производственного процесса. В январе 1928 г. ВКК отчиталась о проделанной работе на производственной конференции, где присутствовало 143 рабочих и служащих¹⁴. Конференция одобрила работу комиссии и избрала вторую ВКК, в состав которой вошли авторитетные работники — представители профсоюзной организации, администрации и рабочих. Она изучала штат мастерских и заполнение рабочего дня, качество и себестоимость работы, увязывала деятельность основных и вспомогательных цехов в т. д.¹⁵

ВКК повела решительную борьбу с прогулами¹⁶, простоями оборудования¹⁷, затяжкой текущего и капитального ремонта паровозов и вагонов. В результате выпуск паровозов из капитального ремонта возрос с 65 за 9 месяцев 1927 г. до 76 паровозов за первую половину 1928 г.¹⁸

ВКК вскрыла факты неудовлетворительного контроля за выпускаемой продукцией в кузнечном и литейном цехах, где не соблюдались нормы припуска на обработку деталей и лаковку. Для снижения брака ВКК предложила ввести штат специальных браковщиков¹⁹. Были выявлены случаи нерационального использования сырья. Так, в мастерских почти не было специального сортового железа, а между

тем бюро заказов сделало из этого железа неходовые заклепки, которые затем переделывались на холдовые²⁰.

Итоги работы производственных совещаний и комиссий были обсуждены на состоявшейся в августе 1928 г. второй производственной конференции Красновосточных мастерских, участники которой отметили оживление деятельности указанных органов²¹. На проходившем в конце августа 1928 г. первом совещании ВКК Среднеазиатской железной дороги ВКК Красновосточных мастерских была признана лучшей в Узбекистане²².

В 1928—1929 гг. происходит дальнейшее улучшение деятельности производственных совещаний и комиссий. Только во второй половине 1929 г. в мастерских состоялось 33 производственных совещания. Из внесенных рабочими 42 предложений было принято к исполнению 40 предложений, реализация которых дала большой экономический эффект²³.

Таким образом, производственные совещания, ставшие к концу 20-х годов подлинно массовыми организациями рабочих, под руководством партийных организаций проделали значительную работу в борьбе за налаживание производства, режим экономии, рост производительности труда, повышение творческой активности рабочих масс и вовлечение их в управление производством.

Глубокое изучение истории создания и деятельности производственных совещаний, обобщение опыта их работы в 20-х годах представляет большой интерес и в наши дни, когда на предприятиях Узбекистана, как и во всей стране, создана широкая сеть постоянно действующих производственных совещаний, вносящих важный вклад в борьбу за повышение производительности труда. Как подчеркивается в Программе КПСС, в период развернутого строительства коммунизма особенно возрастает значение профессиональных союзов как школы управления, школы хозяйствования, школы коммунизма. Партия будет содействовать тому, чтобы профсоюзы усиливали свою деятельность по руководству хозяйством, превращая постоянные производственные совещания во все более действенные органы, способствующие улучшению работы предприятий и контроля за производством²⁴.

В. Г. Сааков

¹² Партархив Ташкентского ОК КПУЗ, ф. 164, оп. 14, д. 540, л. 7.

¹³ Правда Востока, 20 июля 1927 г.

¹⁴ ЦГАОР и СС, ф. 5474, оп. 9, д. 145, л. 1; ЦГА УзССР, ф. P-829, оп. 1, д. 29, л. 101—103, 105.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. P-829, оп. 1, д. 55, л. 25—26.

¹⁶ Там же, д. 29, л. 100, 101.

¹⁷ Там же, л. 101.

¹⁸ Там же, л. 100.

¹⁹ Там же, л. 148.

²⁰ Там же, л. 135.

²¹ Там же, л. 74, 78—79.

²² Там же, л. 80.

²³ ЦГАОР и СС, ф. 5474, оп. 10, д. 45, л. 292.

²⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 107.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АППАРАТА ЦСНХ ТУРКЕСТАНА (1918—1919)

Под руководством Коммунистической партии и Советского правительства в первые же месяцы после победы Великого Октября в нашей стране были созданы советы народного хозяйства. Эти хозяйственные органы диктатуры пролетариата должны были непосредственно осуществлять хозяйственно-организаторские функции Советской власти, обеспечивая планомерное развитие и социалистическое преобразование народного хозяйства страны.

В Туркестанской АССР Центральный совет народного хозяйства был создан на основе решения VI чрезвычайного съезда Советов Туркестана (октябрь 1918 г.). 21 ноября 1918 г. на заседании краевого Совнаркома обсуждался вопрос о структуре ЦСНХ¹, а 18 декабря 1918 г. ТуркЦИК утвердил Положение о ЦСНХ ТАССР². Согласно Положению, ЦСНХ ТАССР должен был объединить и подчинить себе комиссариаты продовольствия, труда, земледелия, путей сообщения, почты и телеграфа и другие органы республики в целях управления промышленностью и планомерного регулирования всего народного хозяйства края.

ЦСНХ было предоставлено право национализации и конфискации отдельных предприятий и даже отдельных отраслей промышленности, для управления которыми создавались соответствующие производственные и распределительные организации. Все фабрики, заводы, мастерские и другие предприятия, ранее находившиеся в ведении других экономических органов республики, были переданы в ведение ЦСНХ.

Во главе ЦСНХ стоял Президиум, занимавшийся решением повседневных текущих вопросов и руководством работой аппарата ЦСНХ. В состав Президиума входили председатель и четыре члена ЦИК Советов ТАССР.

При ЦСНХ Туркеспублики были созданы отделы: финансовый, технико-строительный, эксплуатационный (с секциями — хлопковой, кожевенной, шелководческой, рыбной, полиграфической и т. д.), транспортный, горно-фабричного надзора, внешней и внутренней торговли, статистический, изобретений и юридический.

На отдел технического надзора возлагались проверка смет, утверждение проектов, сооружение фабрик, заводов, мастерских с последующей передачей их в ведение местных совнархозов или эксплуатационного отдела ЦСНХ. Эксплуатационный отдел решал все вопросы административного управления национали-

зированными предприятиями, добивался повышения их производительности, следил за правильным хранением материальных ценностей — сырья, полуфабрикатов, орудий производства и т. д.

В зависимости от экономических и политических условий времени и новых задач, встававших перед Советской властью, при ЦСНХ создавались новые отделы, секции, управления, главки и т. д. Так, 2 января 1919 г. коллегия технического отдела приняла решение об организации специального краевого бюро для проектирования гражданских сооружений³. 1 марта 1919 г. при ЦСНХ была образована шерстяная секция с подотделами в Ташкенте, Самарканде, Чарджусе и других городах края. Этот орган должен был обеспечивать заготовки и учет запасов национализированной шерсти в Туркестане⁴.

Для согласования деятельности советских органов и кооперативных организаций 28 апреля 1919 г. при ЦСНХ был создан кооперативный отдел, призванный всячески содействовать развитию кооперации, особенно производственной, руководить деятельностью кооперативных органов по регулированию продуктообмена и контролю за реализацией продуктов производства и предметов широкого потребления. Особое значение придавалось организации кооперативов в кишлаке для вовлечения широких слоев трудового дехканства в сферу социалистического строительства.

Руководство работой железнодорожного, гужового и водного транспорта, переживавшего тяжелый кризис в годы гражданской войны, было возложено на созданный в мае 1919 г. транспортный отдел. В обстановке мануфактурного голода, вызванного временным отрывом Туркестана от Центра, ЦСНХ ТАССР решил создать местную текстильную промышленность на основе существовавшего в Фергане кустарного текстильного производства. В этих целях с 19 июня 1919 г. при ЦСНХ был образован еще один отдел — текстильный с местонахождением в г. Андижане. В составе отдела имелись секции: делопроизводства, хозяйственно-строительная, технического надзора, кустарно-текстильная, бухгалтерия контроля и касса⁵. Одной из важнейших задач отдела было обследование положения всех текстильных предприятий в крае, для чего были созданы подотделы в Ташкенте, Коканде, Фергане, Намангане и других городах ТАССР.

С созданием и реорганизацией ЦСНХ

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 36, л. 150.

² Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 822, л. 7; ф. Р-37, оп. 1, д. 145, л. 148.

³ Там же, ф. Р-27, оп. 1, д. 169, л. 1.

⁴ Там же, д. 24, л. 73; д. 40, л. 9.

⁵ Там же, ф. Р-27, оп. 1, д. 40, л. 1; журн. «Народное хозяйство Туркестана», 3 августа 1919 г., № 17, стр. 20.

в начале 1919 г. были ликвидированы местные комиссариаты промышленности, экономические отделы и промышленные секции Советов рабочих и дехканских депутатов, взамен которых создавались местные советы народного хозяйства. К апрелю 1919 г. в Туркестане действовало уже пять областных (Сырдарьинский, Семиреченский, Ферганский, Самаркандский и Чарджуйский или Закаспийский), шесть уездных (Ташкентский, Кокандский, Андижанский, Наманганский, Верненский, Пишпекский⁶) и ряд городских советов народного хозяйства.

В связи с углублением продвольственного кризиса при ЦСНХ был организован отдел снабжения и нормировки, который должен был «руководить заготовками предметов, как массового потребления, так и оборудования производственных предприятий Туркестанской республики и нормировкой твердых цен предметов массового потребления, организацией на местах отделений снабжения»⁷. Отдел состоял из трех подразделов — заготовки, нормировки твердых цен и распределения.

В это же время при ЦСНХ были созданы отдел страхования⁸, организационно-контрольно-инструкторский отдел в целях «контроля существующих производств и предприятий в финансово-хозяйственно-техническом отношении»⁹. Для осуществления в местных условиях декрета ВСНХ от 23 апреля 1918 г. о монополизации внешней торговли при ЦСНХ ТАССР был организован отдел внешней торговли¹⁰.

5 августа 1919 г. ЦСНХ ТАССР издал приказ о ликвидации за ненадобностью областных совнархозов — Сырдарьинского, Самаркандского и Ферганского¹¹, — дела которых передавались соответствующим уездным совнархозам.

В этой связи следует отметить, что с момента появления ЦСНХ не прекращалась его реорганизация: одни отделы создавались, другие закрывались, третьи объединялись — в зависимости от сложившейся обстановки. Здесь сказывалось и отсутствие практического навыка руководства сложным механизмом народного хозяйства.

В результате всех реорганизаций к I съезду советов народного хозяйства края (25 августа — 5 сентября 1919 г.)¹² и

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1334, оп. 1, д. 1, л. 292.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 106, л. 63—65.

⁸ «Известия», 13 октября 1919 г., № 198.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 192, л. 6—7.

¹⁰ Народное хозяйство Туркестана, 3 августа 1919 г., № 17, стр. 13.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 15, л. 56; Народное хозяйство Туркестана, 28 сентября 1919 г., № 25, стр. 20.

¹² Народное хозяйство Туркестана, 31 августа 1919 г., № 21, стр. 5—7.

ТАССР имелись следующие совнархозы: Ташкентский уездный, городские: Ташкентский, Туркестанский, Перовский, Арысский, Голодностепский, Черняевский, Казалинский, Аулиэтинский, Самаркандский, Каттакурганский, Уратюбинский, Наманганский, Верненский, Пржевальский, Чарджуйский и другие¹³, а также два областных СНХ — Закаспийский и Семиреченский.

Начальный период деятельности этих совнархозов характеризовался местничеством и бесплановостью их работы. Но несмотря на плохую организованность, отсутствие опытных экономистов-хозяйственников и слабую связь с ЦСНХ, также переживавшим период становления и организации, местные совнархозы проделали большую работу по налаживанию деятельности национализированных предприятий и снабжению армии и тыла продукцией первой необходимости, обмундированием, продовольствием, боеприпасами. Преодолевая упорное сопротивление местной буржуазии, совнархозы ТАССР сумели спасти и сохранить значительную часть народного достояния республики в тяжелых условиях экономической разрухи, гражданской войны и иностранной интервенции.

Обобщив накопленный опыт работы, первый съезд совнархозов Туркестана выработал новые Положения о ЦСНХ и местных советах народного хозяйства, которые были утверждены ТуркЦИКом в октябре 1919 г.¹⁴

По новому Положению ЦСНХ ТАССР был экономическим отделом ЦИК, ответственным перед ним и действовавшим в пределах общих планов и декретов ВСНХ применительно к местным условиям. ЦСНХ предоставлялось также право деятельности не только в пределах ТАССР, но и в русских поселениях Хивы и Бухары¹⁵.

Новым Положением был расширен состав Пленума ЦСНХ, пополнившийся представителями всех профессиональных объединений отраслей промышленности (входящих в состав ЦСНХ) и Краевого совета профсоюзов, а также представителями местных совнархозов, избранными I съездом совнархозов ТАССР.

Теперь местные совнархозы подчинились и финансировались только ЦСНХ, а за Советами рабочих и дехканских депутатов оставалось лишь право контроля над их деятельностью. На местные совнархозы возлагалась организация и регулирование экономической жизни соответствующих районов, за исключением тех отраслей промышленности, которые были на-

¹³ Народное хозяйство Туркестана, 17 августа 1919 г., № 19, стр. 11.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 107, л. 2; Народное хозяйство Туркестана, 9—16 ноября 1919 г., № 31—32, стр. 15, 20.

¹⁵ Там же.

национализированы в краевом масштабе; однако и на этих предприятиях местные совнархозы имели право контроля.

В результате изменений и реорганизаций, произведенных на основе нового Положения, к декабрю 1919 г. ЦСНХ ТАССР имел следующую структуру. Повседневное руководство деятельностью ЦСНХ осуществлял Президиум в составе председателя (избранного ТуркЦИКом), трех членов коллегии (утвержденных Президиумом ТуркЦИКа) и представителя ЦСНХ; управляющий делами входил в состав Президиума с правом совещательного голоса. При Президиуме состояли: секретариат и протокольная часть; центральная бухгалтерия; управление делами, в которое входили общая канцелярия, справочно-информационное бюро, хозяйственная часть, а также редакция журнала «Народное хозяйство Туркестана».

При ЦСНХ действовали: отделы — юридический, финансово-экономический, организационно-контрольный и инструкторский, нормировки и снабжения, внешней торговли, кустарной промышленности, кооперативный, транспортно-складочный, городского и местного хозяйства, технический, химический, топлива, статистический; комитеты — экономической политики, государственных сооружений, изобретений, по делам обработки волокнистых веществ; управления — хлопковое, горное, полиграфическое, кожевенное, шерстяное, рыбной промышленности¹⁶. Отделы управлялись заведующими (или председателями), при которых имелись коллегии в составе представителя Пленума ЦСНХ и представителей заинтересованных учреждений и организаций.

К концу 1919 г. в ТАССР насчитывалось около 40 местных советов народного хозяйства, действовавших под руководством ЦСНХ.

Большую помощь в налаживании деятельности экономических органов края оказали партийные и советские работники, прибывшие в составе Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, направленной для оказания помощи Туркестану в укрепле-

нии советского государственного аппарата и реализации декретов центра. По решению Президиума ВСНХ в Турккомиссию были включены и опытные хозяйственные работники. 3 октября 1919 г. на заседании представителей ВСНХ и Турккомиссии было утверждено «Положение об организации ВСНХ в Туркестане» и направлено ходатайство в Оргбюро ЦК РКП «увеличить состав Комиссии по делам Туркестана до семи человек, включив в нее Любимова и Кактыня. Возложить руководство работой ВСНХ Туркестана на гг. Элиава, Любимова и Кактыня»¹⁷.

Таким образом, центральное Советское правительство оказывало Туркестану не только большую материально-техническую помощь, но и направляло сюда опытных работников для налаживания экономической и политической жизни края, выдержавшего тяжелую, длительную блокаду, бешеный натиск вооруженной контрреволюции.

ВСНХ и местные советы народного хозяйства, в том числе совнархозы Туркестанской АССР, сыграли огромную роль в мобилизации экономики страны для разгрома объединенных сил внутренних и внешних врагов Советской власти в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Руководимые опытными партийными, советскими и хозяйственными работниками совнархозы, развивая творчество и инициативу широких масс, активно участвовали в национализации и налаживании работы промышленных предприятий, транспорта и других важнейших отраслей экономики, а также в развертывании социалистических преобразований народного хозяйства.

Глубокое исследование и освещение истории создания и деятельности первых совнархозов имеют важное значение не только для нашей страны, где ныне действует широкая сеть советов народного хозяйства экономических районов, но и для всех стран, вступивших на путь строительства социализма.

М. С. Багдалова

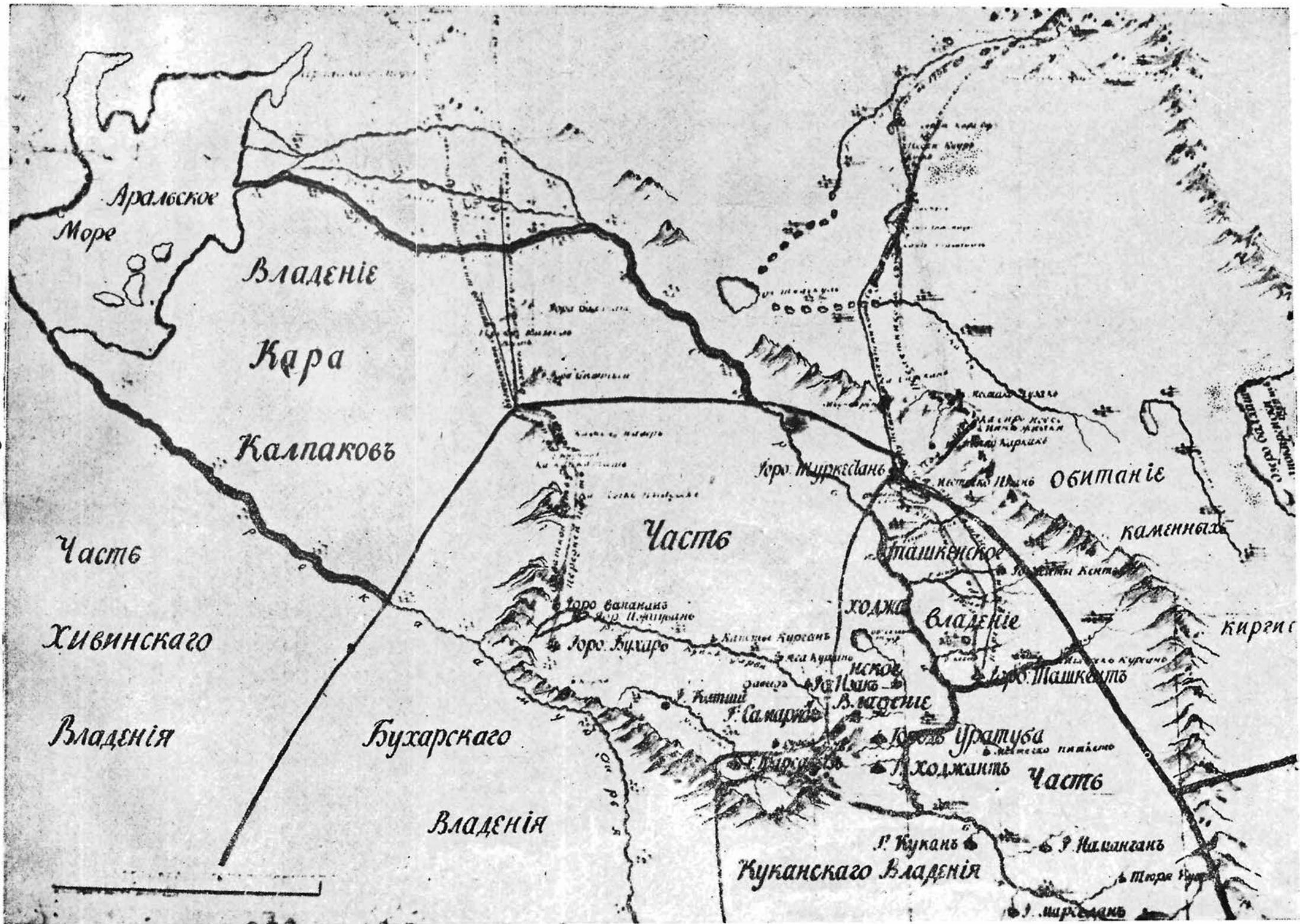
НЕИЗВЕСТНЫЕ РУССКИЕ РУКОПИСНЫЕ КАРТЫ КОНЦА XVIII ВЕКА КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА

Русские картографические материалы прошлого, довольно точно и наглядно фиксирующие различные географические объекты, позволяют проследить историю развития как самой картографии, так и географических представлений о той или иной части территории России и прилегающих к ней стран. Древние чертежи, а также карты XVII—XVIII вв. были уни-

версальными в том смысле, что на них, помимо чисто географических объектов, показывались административно-территориальное деление, направления торговых связей и путей сообщения; приводились данные о географических открытиях, местах добычи полезных ископаемых, военных операциях и т. д. Следовательно, старинные русские рукописные карты

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 155, л. 245—246.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 3429, оп. 1, д. 1093, л. 162.

представляют собой немаловажный источник дополнительного материала для любого серьезного исследования об историческом прошлом нашей страны.

В ноябре 1958 г. один из авторов этих строк (Р. Л. Югай), работая в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), обнаружил в фондах Военно-ученого архива (ВУА) старинные русские рукописные карты в делах №№ 24696 и 24697.

В деле № 24696 имелось три карты. Одна из них носит название: «Карта, представляющая путь в 1794-м году сержантов Безносикова и Бурнашева от крепости Троицкой до города Бухара и обратно в 1795-м году до крепости Орской с принадлежащими около города Бухара владениями»¹. Название карты дано в нижнем правом углу, а далее (за пределами рамки) подписано: «Копировал инженер юнкер Игнатъев».

Время составления и автор карты не указаны. Карта вычерчена на одном листе александрийской бумаги размером 62 X 70 см. Проекция — равноугольная Меркатора. Масштаб дан в российских перстах; карта снабжена градусной сетью, однако цифровые обозначения градусов не помечены.

Две другие карты под тем же номером, видимо, вычерчены одним лицом: одна из них представляет черновой вариант, а другая — окончательный, беловой. На черновом варианте нет, например, градусной сети, а в легенде, помещенной в правом верхнем углу, сделаны исправления. Кроме того, обозначения сопредельных с Россией среднеазиатских стран выполнены несоразмерно большими буквами, загромождающими остальные надписи. На беловом экземпляре указанные недочеты устранены. Легенда карты представлена в виде развернутого листа бумаги, увенчанного фигурой орла, с надписью: «Карта, представляющая путь унтер офицера Безносикова в 1794 году с унтер шихмейстером Бурнашевым до города Бухара из крепости Троицкой и обратно в 1795 году до крепости Орской. В 1796 году при подпоручнике Телятникове до города Ташкента из форпоста Семиярского и обратно в 1797 году до форпоста Коряковского, с принадлежащими около Бухара и Ташкента владениями». В нижнем правом углу карты подписано: «Генерал-лейтенант Штрандман». Во всех остальных деталях эти карты абсолютно идентичны.

Карта из дела № 24697 имеет больший размер — 148 X 144 см; изготовлена также на александрийской бумаге без наклепки. Градусная сеть и масштаб карты не помечены. На ней тоже нет подписи составителя и даты изготовления,

но в нижнем правом углу (вне рамки) подписано: «Копировал квартирмейстерского чина подпоручик Форафонов». По названию карты видно, что она также имела специальное назначение, изображая маршрут Безносикова и Бурнашева в 1794—1795 гг.

Верхняя (северная) часть наших карт, пограничная с Сибирской линией, занята «Степью кочующих киргис-кайсаков», которая граничит на востоке с «частью Китайского государства»². На юге «Степь» сопредельна с «владением каракалпаков» (между низовьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) и «частями» Хивинского и Бухарского владений. К востоку от Бухары, в бассейне Сыр-Дарьи, обозначены «Ходжанское владение», Ташкенское владение и «часть Куканского владения». Между р. Тамачь на востоке и Ташкентским владением на западе находится «Обитание каменных киргисцев».

Изображение рельефа, как, впрочем, и на всех картах XVIII в., дано весьма примитивно. Горы показаны перспективно, в виде конических холмиков, расположенных одиночно или группами, вытянувшись в ряд, причем соблюдены основные направления горных цепей. Равнины и плоскогорья не выделены; пески показаны точками, как и на современных картах.

На картах под № 24696 нанесены главным образом горы в пределах современного Казахстана. Горные системы, опоясывающие Ферганскую долину с севера и востока, изображены одним меридиональным хребтом (без надписи). Северная часть этого хребта представляет, по видимому, Каратау, на котором указаны вершины: «камень Саускан» и «камень Бир исек минь жили», а между ними — «медной рудник». Крайне упрощена схема хребтов современной Киргизии. Хребты Западного Тянь-Шаня также показаны недостаточно полно и верно. Горы здесь расположены между 37°30' с. ш., что примерно соответствует расположению западных отрогов Гиссарского, Зеравшанского и Туркестанского хребтов. Однако горная цепь, проведенная от «Шарсабыза» (Шахрисябз) через Каршинскую степь (вдоль Аму-Дарьи) до Каракульского оазиса, в действительности не существует.

Кроме гор, на картах отмечены все основные песчаные пространства Казахстана и Средней Азии (пески вокруг оз. Балхаша, Муюнкумы, Приаральские Каракумы). В центральной части Кызылкумов отмечены древние горные массивы, лежащие на пути следования Безносикова и Бурнашева. Отдельные вершины кы-

¹ Надписи здесь и далее даны по оригиналу карты, а в скобках указаны современные названия и предположения автора.

² Ограниченный объем статьи не позволяет нам проанализировать здесь все географические объекты, нанесенные на карты, и они рассматриваются только в пределах Узбекистана.

зылкумских гор (с севера на юг) расположены в следующем порядке: «камень Каратау» (за Яндыарьей), гора «Балпан» или «Балатан» (по карте № 24697), гора «Биштубе», далее «камень Иллер» и камень «Капкаташ, в которой прежде бухарцы получали руду»; между этими камнями обозначен «рудник» и, наконец, на самом юге показана вершина «камень Пыкпылдык». На копиях Игнатьева и Форафонтнова нанесены также наиболее важные колодцы и ключи (родники). Вполне понятно, что в условиях безводной пустыни они вызвали у путешественников особый интерес и, естественно, должны были быть зафиксированы на картах. На участке Биштубе — Бухара помечены колодцы: «Букан, Юс-кудук, Бишбулак, Каракан», а к северу от «Иждуванъ» (Гиждувана) указаны «Пещаной бугор из-под которого протекает теплый ключ».

Самой интересной надписью, сделанной во внутренних частях пустыни, будет, пожалуй, надпись «Пески Кызыл кум», или «Красный песок, а по киргизски Кызыл кум». Пустыня под этим названием обозначена на картах из дела № 24696 к северу от колодца Букан, между 43 и 44°30' с. ш. и изображена локально, в виде выполненного точками четырехугольника. Характерно, что вся географическая номенклатура русских рукописных карт, нанесенная в пределах Центральных и Юго-Западных Кызылкумов, как и само название «Кызылкум», впервые получила отражение именно на рассматриваемых нами картах №№ 24696 и 24697.

Несколько слов о гидрографической сети наших карт. Аральское море изображено здесь, как и на всех картах добутовского периода, с некоторым искажением. Сильно искажена береговая линия западной части моря (здесь к тому времени еще не были произведены съемочные работы). Восточная же часть, как известно, была заснята геодестом Иваном Муравиним в 1741—1743 гг.

Реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья показаны на картах своими средними и нижними течениями. Сыр-Дарья разветвляется в низовьях на три протока: русло самой реки, Кувандарья и Ягадарья (Яндыарья, Жанадарья). В среднем течении Сыр-Дарья принимает реки Чирчик, Келес, Бадам, Бугуль и др. На копии Игнатьева параллельно Сыр-Дарье показаны Кызыл-Дарья и несуществующая река Крессель. Здесь отмечен один населенный пункт — «Самин» (Заамин). Река Зеравшан под названием Куак (на других картах XVIII в. — Куган, Сога, Куак дарья) нанесена вполне правильно. Параллельно Зеравшану течет река Ауш (Кашка-Дарья), на ней стоит город Катши (Карши).

Эти старинные карты представляют собой также ценный источник по истории

и археологии Узбекистана. Так, на картах (особенно на черпковом варианте № 24696) отмечены некоторые археологические памятники³, описанные более подробно в письменном отчете Т. С. Бурнашева⁴. Он (видимо, не без влияния Г. Штрандмана) первым обратил внимание не только на историко-архитектурные, но и археологические памятники пустыни Кызылкумов и Бухарского оазиса.

«Бухарцы, — писал Т. С. Бурнашев, — производят свое начало из глубокой древности. Они утверждают, что земляные пригорки (тепе. — Г. П.), находящиеся на равнинах и низких местах Бухарии, сделаны предками их во время еще всемирного потопа, с тем намерением дабы спастись на них от наводнения, которое по прочтеству их не могло быть выше сорока аршин»⁵.

Сам Бурнашев полагал, что «сни пригорки остались от прежнего населения Бухарии, на которых знатнейшие люди имели свои дома, подобно тому и нынешний дворец Бухарского хана построен на искусственной горе». Эти пригорки, пишет он далее, «находятся при развалинах семи городов (Джеты-кала)⁶ и вообще в тамошних Азиатских областях (замки — усадьбы — тепе. — Г. П.) строятся на

³ Ими, вероятно, интересовался генерал Штрандман, занимавшийся археологией. Он-то и давал, надо полагать, своим подчиненным, направляемым в Среднюю Азию, задания по изучению памятников старины. О Штрандмане как археологе писал акад. П. И. Кеппен в примечаниях к одному из писем Н. Ф. Глинка (см. «Журнал Министерства внутренних дел», 1836, ч. XIX, стр. 367). При этом он ссылался на рукопись Штрандмана „Allg. Bemerkungen über die alten Grabhügel oder Kurgane imis Rusland und Sibirien“ (ныне она хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве).

⁴ Т. С. Бурнашев, Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г., Сибирский вестник, СПб., 1818, ч. I, стр. 63—64.

⁵ Предание это в упрощенном варианте повторяло сказание жителей Ирана о всемирном потоке (См. Абу Рейхан Бирунни, Избранные произведения, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 35).

⁶ Вот как описывает Т. С. Бурнашев развалины Джеты-кала: «Недалеко от правого берега Кувандарьи в степи видны древние развалины Джеты-кала, суть остатки семи городов, но вероятно одного города, разделенного на части оградями или рвами. Джеты-кала принадлежала каракалпакам и была разорена их соседями» (Т. С. Бурнашев, указ. соч., стр. 44).

пригорках, состоящих из nanoшенной земли»⁷.

На карты нанесены «Джеты-кала» или «Развалины древнего Азиатского строения называемого Джеты-кала»; «Девичья гора», или «Кыз-кала»; замок «Кок-кулак» и др. В книге Бурнашева сказано, что южнее Букантау на одной из вершин путешественникам встретились развалины Кыз-кала. «Этот «замок», — пишет он, — по легенде построила дочь одного из Азиатских правителей, убежавшая со своим возлюбленным от родителей»⁸.

На рассматриваемых картах были впервые показаны маршруты поездок Д. Телятникова, совершенных для ознакомления с экономикой Ташкентского владения. На черновые варианты карт №№ 24696 и 24697 нанесены также историко-археологические памятники — развалины Туиката и Бинкета⁹.

Все описываемые здесь карты были составлены на Сибирской линии. На них показаны маршруты офицеров этой линии, а на одной из карт (№ 24696), как уже отмечалось, стоит подпись генерал-лейтенанта Густава Штрайдмана, командовавшего Сибирским корпусом в 1794—1796 гг.

Нам долго не удавалось определить истинного автора этих карт и точно установить дату их составления¹⁰. В последнее время благодаря изысканиям Ю. А. Соколова, обнаружившего «Всеподданнейший рапорт» Г. Штрайдмана от 22 сентября 1797 г., стало известным имя составителя наших карт. Им оказался унтер-офицер (сержант) Алексей Севастьянович Безносиков, участник экспедиций 1794—1795 гг. в Бухару и 1796—1797 гг. в Ташкент (вместе с Д. Телятниковым).

В рапорте Штрайдмана сказано: «...Доставили они (Телятников и Безносиков.—

Р. Ю.) сведения вышеупомянутой Ташкентской области, отобранное от них объявление, а равно и карту бывшего их поселения в Ташкенту с показанием в ней урочищ и с присовокуплением тракта лежащего в Бухарию, по коему был прежде послан унтер офицер Безносиков сочиненную самим им присем щастие именк также всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству представить»¹¹.

Таким образом, «Объявление», «Всеподданнейший рапорт» и карты А. С. Безносикова были отправлены Штрайдманом в Петербург. Из рапорта видно, что карта была создана после экспедиции Д. Телятникова, однако в нее включены и материалы Бухарской экспедиции 1794—1795 гг. Исходя из того же рапорта, можно предположить, что А. С. Безносиков во время обеих экспедиций занимался картированием пройденного пути.

Теперь, когда установлен автор карт, можно уточнить и время окончательного оформления этих карт. По данным Ю. А. Соколова¹², Телятников и Безносиков выехали из Ташкента в июне 1797 г. и прибыли в Омск в августе того же года. 22 сентября 1797 г. оба путешественника выехали вместе с прибывшими с ними ташкентскими послами в Петербург, захватив с собой указанные выше документы. Подпись Штрайдмана на беломом экземпляре карты № 24696 могла появиться незадолго до отправки карты в столицу.

Приведенные данные позволяют утверждать, что описываемые карты были окончательно оформлены к сентябрю 1797 г. Дальнейшее изучение их представляет большой интерес для исследователей, занимающихся исторической географией, историей и археологией Средней Азии.

Г. В. Парфенов, Р. Л. Югай

⁷ Т. С. Бурнашев, указ. соч., стр. 63—64.

⁸ Там же, стр. 47.

⁹ Туикат, или Тункент, находившийся в долине р. Ангрен, и раньше отмечался на западноевропейских картах. (См. Н. Л. Корженевский, О старинных картах, хранящихся в Узбекском филиале АН СССР, Известия УзФАН СССР, 1941, вып. 3, стр. 67—75).

¹⁰ В опубликованных нами ранее статья время составления карт предположительно определялось 1798 г. (см. Р. Л. Югай, О географическом изучении пустыни Кызылкум в связи с ее топонимикой, Известия Узбекского филиала

Всесоюзного географического общества, т. V, Ташкент, 1961; Новые историко-географические данные о русских путешествиях в Коканд в начале XIX века, Труды Института истории естествознания и техники АН СССР, т. 42, М., 1962).

¹¹ АВПР, ф. Ташкентские дела, д. 3. Пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность Ю. А. Соколову за предоставленную нам фотокопию «Всеподданнейшего рапорта» Г. Штрайдмана.

¹² Ю. А. Соколов, Первое русское посольство в Ташкенте. Вопросы истории, 1959, № 3, стр. 166—177.

ХРОНИКА

В ОТДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН УЗССР

21 декабря 1963 г. состоялась объединенная конференция Отделения общественных наук АН УзССР, посвященная закономерностям развития социалистической культуры в СССР в период развернутого строительства коммунизма. Наряду с сотрудниками институтов Отделения в конференции приняли участие представители Института искусствоведения Министерства культуры УзССР, ТашГУ и других научно-исследовательских организаций, вузов и учреждений города.

Конференцию открыл вице-президент АН УзССР И. М. Муминов, отметивший актуальность глубокого изучения данной проблемы, основные аспекты и направления ее разработки.

Первым с докладом «Расцвет и сближение национальных культур народов СССР — важнейшая закономерность построения коммунизма» выступил канд. филос. наук С. Шермухамедов. На конкретных материалах республик Средней Азии и Казахстана он убедительно показал, как претворяется в жизнь ленинское положение о том, что путь к единой культуре коммунистического общества проходит через расцвет национальных культур всех народов, освободившихся от гнета эксплуататоров. Культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер, и тем самым закладывается фундамент будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества.

Экономической базой строительства интернациональной культуры является социалистический способ производства, а его теоретической основой служит великое учение марксизма-ленинизма. Докладчик подробно остановился на анализе важнейших факторов, определяющих развитие интернациональных основ культур народов Средней Азии и Казахстана, их дальнейшее взаимообогащение и сближение в ходе развернутого строительства коммунизма.

Канд. искусствоведения А. М. Рыбник сделал доклад на тему «Интернациональное и национальное в советском искусстве на современном этапе». Он подчерк-

нул, что особая актуальность данной проблемы определяется вступлением нашей страны в период развернутого строительства коммунизма, а также необходимостью усиления идеологической борьбы против реакционных тенденций буржуазной эстетики.

Правильное решение проблемы интернационального и национального в искусстве возможно лишь на основе тесной связи искусства с жизнью — таков главный тезис доклада А. М. Рыбника. Он подробно остановился на анализе ряда произведений узбекского советского искусства (главным образом театрального) и привел примеры как методологически верного, так и поверхностного отражения в них проблемы интернационального и национального.

Канд. филос. наук О. Умурзакова посвятила свой доклад вопросу о сближении традиций советских социалистических наций на современном этапе развернутого строительства коммунизма. На материалах республик Средней Азии докладчик показала, как в ходе строительства социализма происходило отрицание старых, отживших традиций и черт характера, унаследованных от феодально-патриархального и колониального прошлого, и формировались новые замечательные традиции и интернациональные черты характера советских людей.

Таким образом, как подчеркивается в Программе КПСС, у советских людей различных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР. Коммунистическая партия поддерживает прогрессивные традиции каждого народа, делает их достоянием всех советских людей и всемерно содействует развитию новых, единых для всех социалистических наций революционных традиций строителей коммунизма.

Канд. филос. наук В. Ф. Самышкин сделал доклад о путях ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом как одной из главных проблем строительства коммунизма.

Докладчик отметил, что органическое соединение умственного и физического труда достигается изменением характера самого труда на основе внедрения комплексной механизации, автоматизации, электрификации и химизации производства, новейших достижений науки и техники; повышением культурно-технического уровня трудящихся; умелым соединением образования с производительным трудом; коммунистическим воспитанием всех советских людей, особенно подрастающего поколения.

Далее В. Ф. Самышкин подробно остановился на таких важнейших предпосылках ликвидации существующих различий между умственным и физическим трудом, как создание материально-технической базы коммунизма; развитие социалистического соревнования, особенно его новой, высшей формы — движения бригад и ударников коммунистического труда; совершенствование форм управления государством в целях дальнейшего развития социалистической демократии и вовлечения в управление государственным и общественными делами самых широких масс. Теоретические положения в докладе подкреплялись интересным фактическим материалом из жизни республики, из практики коммунистического строительства.

Конференция свидетельствовала о растущем внимании ученых-обществоведов Узбекистана к глубокому и всестороннему изучению закономерностей развития социалистической культуры народов СССР в период развернутого строительства коммунизма.

* * *

25 декабря 1963 г. была проведена объединенная конференция институтов Отделения общественных наук АН УзССР на тему «Критика буржуазной фальсификации истории и культуры народов Средней Азии».

Первым был заслушан доклад канд. филол. наук М. Хайруллаева «Критика методологических основ буржуазной истории общественно-философской мысли». На примере ряда работ зарубежных исследователей докладчик показал антинаучность и несостоятельность методологических принципов буржуазной историографии по вопросам общественно-философской мысли.

Доктор ист. наук М. Г. Пикулин в своем докладе «Апологеты неокolonизма в современной буржуазной исторической науке» остановился на вопросе о новых формах колониальной политики империализма в отношении молодых государств Азии и Африки и вкратце охарактеризовал работы некоторых буржуазных ученых и публицистов США, Англии, Франции и ФРГ, пытающихся оправдать, «обелить» в глазах народов империалистическую политику неокolonизма.

Доктор искусствоведения Г. А. Пугаченкова выступила с докладом «Некото-

рые вопросы искусствоведения народов Среднего Востока в освещении буржуазных ученых». Излагая историю античной культуры народов Среднего Востока, говорят докладчик, многие буржуазные ученые стремятся доказать, что эта культура развивалась не самостоятельно, а под «цивилизующим» влиянием иноземных завоевателей (греков, римлян) на народы «варварской периферии».

Однако исследования, проведенные советскими учеными в Южной Туркмении, Узбекистане и Таджикистане, выявили замечательные и глубоко своеобразные памятники, убедительно свидетельствующие о самостоятельной линии развития парфянской и бактрийской культуры. Хотя культура народов Парфии и Бактрии развивалась в контакте с эллино-римской культурой, она сохранила на протяжении веков свои творческие направления и эстетические начала.

Канд. филол. наук М. Ю. Юнусов, выступивший с докладом «Критика работ буржуазных ученых по узбекскому литературоведению», на конкретном фактическом материале показал несостоятельность и лживость всевозможных домыслов реакционных буржуазных «специалистов» по вопросам развития узбекской советской литературы.

Канд. филол. наук Э. Ф. Фазылов сделал доклад «К критике работ буржуазных ученых по узбекскому языкознанию». Он подробно охарактеризовал опубликованные за границей работы по старобузбекскому языку, отметил грубые ошибки и недостатки исследований С. Вурма (ФРГ), К. Бидвела (США) по современному узбекскому языку, подверг резкой критике проф. Ф. Н. Узлука, издавшего в фальсифицированном виде факсимиле рукописи Сайфа Сарайи (XIV в.).

Канд. филол. наук Э. А. Зусмановская в своем докладе «Критический обзор основных направлений структурализма в зарубежном языкознании» осветила это сравнительно новое лингвистическое направление и его ответвления, философские и методологические основы, принципы и задачи, а также те неоднородные системы рабочих приемов, в которых по-разному воплощается общий принцип подхода к языку как целостной структуре. Докладчик показала как положительные, приемлемые для советского языкознания выводы зарубежных школ структурализма, так и те выводы, которые должны быть полностью отвергнуты как ложные, антинаучные домыслы.

Решительное разоблачение лживых измышлений буржуазных фальсификаторов истории и современной жизни народов Советского Востока имеет важное политическое и научное значение. Поэтому проведение подобных конференций следует всячески приветствовать.

Б. Ш. Патлах, Б. И. Кюпов

МУНДАРИЖА

А. А. Амминов. Бухоро-Хева районида олиб борилаётган газ қидириш ишларининг капитал маблағларини ошириш ҳақида	5
Д. Бернштейн. Социалистик ҳуқуқ нормаларини бузганлик учун жавобгарлик масаласига доир	12
Е. И. Гостеева. Тагор гуманизми ҳақида	19
М. Нишонов. Эрон халқининг империализмга қарши кураш тарихида (1951—1953)	26
М. Давлатюсупов. Ўзбекистондаги маҳаллий Советларни мустақкамлашда «Қўшчи» иттифоқининг қатнашishi ҳақида (1925—1930)	33
М. С. Булатов. Сомонийлар мақбараси архитектураси генезисига доир	39
Т. Қ. Қодирова. Юсуф ал Барм қўзғолонининг характери масаласига доир (VIII аср).	46

Илмий ахборот

Ш. Шораҳмедов. Ўзбекистонда эҳтирочилик ҳуқуқининг ривожланиши тарихидан	51
В. Г. Сааков. 1925—1929 йилларда Ўрта Осиё темир йўлига қараб Касп-новосточний мастерскойлари ишлаб чиқариш кенгашларининг иши ҳақида	53
М. С. Багдалова. Туркистон халқ хўжалигининг кенгаши аппаратини яратиш тарихидан (1918—1919)	56
Г. В. Парфенов, Р. Л. Югай. XVIII аср охиридаги машҳур рус қўлёзма карталари Ўзбекистон географияси, тарихи ва археологиясининг янги манбаидир	58

Хроника

Б. Ш. Патлах, Б. И. Қионов. Ўзбекистон Фанлар академиясининг ижтимоий фанлар бўлимида	65
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Аминов. О повышении эффективности капитальных вложений в разведку газа в Бухаро-Хивинском районе	5
Д. Бернштейн. К вопросу об ответственности за нарушение социалистических правовых норм.	12
Е. И. Гостеева. О гуманизме Тагора.	19
М. Нишанов. Из истории антиимпериалистической борьбы иранского народа (1951—1953).	26
М. Давлет-Юсупов. Об участии союза «Кошчи» в укреплении местных Советов Узбекистана (1925—1930).	38
М. С. Булатов. К вопросу о генезисе архитектуры мавзолея Саманидов.	39
Т. К. Кадырова. К изучению характера восстания Юсуфа ал-Барма (VIII век).	46

Научные сообщения

Ш. Шарахметов. Из истории развития изобретательского права в Узбекистане.	51
В. Г. Сааков. О работе производственных совещаний Красновосточных мастерских Среднеазиатской железной дороги в 1925—1929 годах.	53
М. С. Багдалова. К истории создания аппарата ЦСНХ Туркестана (1918—1919).	56
Г. В. Парфенов, Р. Л. Югай. Неизвестные русские рукописные карты конца XVIII века как новый источник по географии, истории и археологии Узбекистана.	58

Хроника

Б. Ш. Патлах, Б. И. Кнопов. В Отделении общественных наук АН УзССР.	65
---	----

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

2. Сноски также печатаются через два интервала и помещаются внизу страницы, а не в конце статьи.

3. Последовательность цитирований монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, издательство, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала (в кавычках), год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений, а также краткое резюме (до $\frac{1}{2}$ стр. машинописи) на русском и узбекском языках.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные, на белой бумаге, рисунки — выполненные тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. На обороте каждого рисунка надо указывать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям следует прилагать список подписей под рисунками (в двух экземплярах).

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст тщательно проверен, все ссылки выверены. Следует указывать дату отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Объем не должен превышать:

а) для статей — $\frac{1}{2}$ печ. л. (12 стр. машинописи);

б) для научных сообщений и рецензий — $\frac{1}{4}$ печ. л. (5—6 стр. машинописи);

в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр. машинописи.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

Адрес редакции: г. Ташкент, п/о 34, ул. Навои, д. № 55а. Институт истории и археологии АН УзССР, для отв. секретаря журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Технический редактор *З. И. Горькова*

Р00232. Сдано в набор 17/II-64 г. Подписано к печати 2/III-64 г.
Формат 70×108^{1/16}—2,125 бум. л. 582. Печ. л. Уч.-изд. л. 6,0. Изд. № 1064.
Тираж 1280. Цена 40 к.

Типография Изд-ва «Наука», Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 80.
Адрес Издательства: Куйбышева, 15.

**НОВЫЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР**

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА УЗБЕКИСТАНА

том II

(1924—1937 гг.)

1963 г. На рус. яз. 828 стр. Цена 4 руб. 31 коп.

М. М. Хайруллаев

ФАРАБИ И ЕГО ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ

1963 г. На узб. яз. 284 стр. Цена 1 руб. 03 коп.

С. М. Ходжаев

**МЕЖРАЙОННЫЕ ТРАНСПОРТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
УЗБЕКИСТАНА**

(По материалам железных дорог)

1963 г. На рус. яз. 192 стр. Цена 98 коп.

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА**

1963 г. На рус. яз. 224 стр. Цена 1 руб. 10 коп.

Х. Якубов

ИДЕЙНОСТЬ И МАСТЕРСТВО В ЛИРИКЕ АЙБЕКА

1963 г. На узб. яз. 188 стр. Цена 86 коп.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В УЗБЕКИСТАНА

(Первые записи)

Август Эйхгорн

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1963 г. На рус. яз. 180 стр. Цена 1 руб. 02 коп.

Цена 40 к.

Индекс
75349